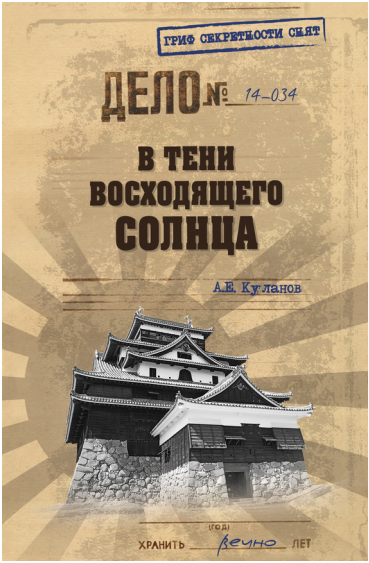

Александр Евгеньевич Куланов
В тени Восходящего солнца
Серия «Гриф секретности снят»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14653898

А. Е. Куланов. В тени Восходящего солнца: ООО «Издательство «Вече»; Москва; 2014
ISBN 978-5-4444-1958-8, 978-5-4444-8164-6

Аннотация

Автор начинал писать эту книгу как исследование, посвященное судьбам репрессированных японоведов (из девяти главных героев книги семь – японисты). Но когда стали известны новые материалы об этих людях, оказалось, что все они без исключения были связаны с российскими или советскими спецслужбами. Кто-то, как Ощепков или Ким, были штатными сотрудниками разведки или контрразведки, кто-то – как Незнайко или Юркевич – были агентами, секретными сотрудниками. Поэтому, когда в ходе работы автору стала известна рукопись их современника, «японского разведчика русского происхождения» – Игоря Ковальчук-Ковалю, сразу стало понятно, что рассказ о нем тоже необходимо включить в книгу: ведь это взгляд на те же самые события, тот же исторический фон, но с другой стороны, с изнанки. Так и получилось, что в результате из книги о японоведах получилась книга о тех, кто так или иначе, в большей или меньшей степени, был связан с Японией, но связь эту старался не афишировать, о тех кто держался в тени – в тени Восходящего солнца.

Содержание

Предисловие	5
Часть I. Дело русских семинаристов	8
Глава 1. Семинария	8
Глава 2. Василий Ощепков: от креста до креста	36
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Куланов

В тени Восходящего солнца

© Куланов А. Е., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

Предисловие

Много лет назад автор этой книги заинтересовался романтической, как ему тогда казалось, судьбой основателя самбо и советского разведчика Василия Сергеевича Ощепкова. Сколь медленно, столь же естественно работа в этом направлении привела к мысли о необходимости детального воссоздания биографии этого человека и исследованию его личности. Хотя сегодня об Ощепкове написано уже несколько книг, эта идея не утратила свою актуальность, поскольку, с одной стороны, постоянно обнаруживаются новые данные, сведения, появляются новые детали, а с другой – растет стремление ряда авторов сделать из трагической судьбы реального человека гламурный миф о «православном ниндзя». История Василия Ощепкова еще ждет своего внимательного и компетентного исследователя, а его биография когда-нибудь предстанет в виде отдельного серьезного, но увлекательного исследования – автор уверен в этом. Пока же в книгу включены лишь уже известные, главным образом по книге М. Н. Лукашева «Сотворение самбо: родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской...», фрагменты его биографии и целый ряд новых, недавно открывшихся сведений. Именно по этой причине глава, посвященная В. С. Ощепкову, заметно превосходит по объему остальные главы, за исключением рассказа о другом человеке удивительной судьбы – Р. Н. Киме.

Изучение деталей жизненного пути Ощепкова привело автора к расследованию так называемого «дела русских семинаристов» – истории о том, как попала и обучалась в качестве переводчиков в Токийской православной семинарии группа подростков из России. Попытки установить судьбу каждого из них привели к тому, что фрагменты биографии четверых из них, включая Ощепкова, вы держите сегодня в своих руках. Но самое же главное, по мысли автора, заключается в том, что изучение этих материалов логически приводит нас к необходимости воспроизведения общего исторического фона, на котором разворачивались описываемые события. Неподготовленный читатель сегодня почти ничего не знает, за исключением каких-то клише, о событиях Гражданской войны на Дальнем Востоке, об оккупации японцами Приморья, о жизни наших соотечественников в Русском Китае – Харбине и других станциях Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), тем более о существовании русской диаспоры в Японии в начале XX века. Каждый из этих вопросов требует отдельного, долгого и внимательного изучения, вникания в обстановку, кропотливого рассмотрения политических, исторических, социальных явлений. Конечно, это невозможно было сделать в рамках одного исследования – сюжетные линии разбегались в разные стороны, как хорошая железнодорожная сеть, а факты росли как снежные шары на склонах зимней Фудзи, а потому автор вынужден был отказаться от этой идеи, решив ограничиться пока воспроизведением главных линий биографий своих героев – пусть они сами создают «контекст эпохи». Это решение, однако, имело далекоидущие последствия. Несмотря на то что изначально книга задумывалась как рассказ лишь о «деле русских семинаристов», по ходу его исследования само собой стало понятно, что очень трудно рассказать о деле, например, Владимира Плешакова без упоминания дела уникального военного разведчика Василий Крылова, чья судьба тоже не должна быть забыта, а хорошо знакомый с Василием Ощепковым японовед Николай Мацокин оказался настолько интересной (и даже скандальной!) фигурой, что только о нем одном можно было бы написать книгу. Что уж говорить в таком случае о Романе Киме – человеке, сознательно зашифровавшем свою жизнь до такой степени, что мы и сегодня не можем с уверенностью подтвердить почти ни один факт его биографии! Судьба каждого из них – нить, которой рок сшил тот гобелен, что сегодня называется историей России. И нельзя было автору в такой ситуации отказаться от правдивого рассказа не только о героях, но и о антигероях того времени, чьим символом в книге стал

один из учеников Василия Ощепкова – Валерий Щеголев, одухотворенный палач и садист с высшим образованием.

Автор начинал писать эту книгу как исследование, посвященное судьбам репрессированных японоведов (из девяти главных героев книги семь – японисты), не держа никаких тайных замыслов в голове. Но когда стали известны новые материалы об этих людях, на свет были извлечены архивные документы, оказалось, что все они без исключения были связаны с российскими или советскими спецслужбами. Кто-то, как Ощепков или Ким, были штатными сотрудниками разведки или контрразведки, кто-то – как Незнайко или Юркевич – были агентами, секретными сотрудниками. Поэтому, когда в ходе работы над книгой автору стала известна рукопись их современника, «японского разведчика русского происхождения» – Игоря Ковальчука-Ковалю, сразу стало понятно, что рассказ о нем тоже необходимо включить в книгу: ведь это взгляд на те же самые события, тот же исторический фон, но с другой стороны, с изнанки. Так и получилось, что в результате из книги о японоведах получилась книга о тех, кто так или иначе, в большей или меньшей степени, был связан с Японией, но связь эту старался не афишировать, о тех, кто держался в тени – в тени восходящего солнца.

В приложении к книге читатель найдет массу документов, первоисточников, часть из которых хорошо известна специалистам, часть публикуется впервые. Кроме того, текст самой книги насыщен цитатами из различных произведений и исследований, близких по теме и духу тому труду, который вы держите сейчас в руках. Такая насыщенность намеренна, ибо автор сам глубоко потрясен духом времени, который начал восстанавливаться, когда главы книги сложились в единое панно, и считает, что нет ничего лучше, чем как можно точнее и без искажений передать этот дух читателю. Для воссоздания этой картины понадобилась помощь многих людей, к которым автор обращался с письмами, вопросами, просьбами и которые незамедлительно и по возможности полно отвечали ему. Вот короткий список тех, кто сделал для этой книги немало, поучаствовав в восстановлении большого куса исторического полотна или ответив на короткий, но важный вопрос, переведя с иностранного языка важные сведения или высказав свое экспертное заключение по тому или иному поводу:

Арабаджиев Александр, Белик Павел, Богоудина Наталья, Брылевский Георгий, Будзинский Александр, Буяков Алексей, Горбылев Алексей, Демидов Руслан, Дыбовский Александр, Иمامура Эцуко, Кальчева Анастасия, Кирмель Николай, Козлова Алёна, Кубасов Федор, Латышев Владислав, Матвеев Лев, Малафеева Екатерина, Молодяков Василий, Молодякова Эльгена, Незнайко Виктор, Петров Никита, Петрова Маргарита, Подалко Петр, Просветов Иван, Саблина Элеонора, Савада Кадзухико, Савелли Дани, Саканака Норио, Сумарокова Ольга, Табачников Константин, Танака Такэюки, Тэрагути Рёити, Черепанова Светлана, Черданцева Елена. Простите, если кого-то по оплошности или по их собственной просьбе, связанной с особенностями службы этих людей, автор не включил в этот список!

Особую благодарность заслуживают сотрудники многочисленных архивов и музеев, в которые обращался автор в поисках первоисточников документов, и прежде всего Диамара Чичикоевна Нодия из Государственного архива РФ, а также представители Центрального архива ФСБ РФ, Архива МИД Японии и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал» и Сахалинского областного краеведческого музея.

Наконец, несколько формальных уточнений. Японские имена и фамилии воспроизведены по японской же традиции: сначала фамилия, потом имя – автору так привычнее, потому что автор японоведа. То есть если написано «Танака Гиити», то «Танака» здесь фамилия. В транслитерации японских имен и названий соблюдены правила Е. Д. Поливанова, например

Сibuя, а не Шibuя или Щibuя, за исключение общепринятых названий, например Токио, а не Токё, Иокогама, а не Ёкохама.

Даты приводятся по их значению в указанный момент времени, то есть для России до 1918 года – по старому стилю, если это не оговорено особо. Например, если указывается, что В. С. Ощепков родился 25 декабря 1892 года, то имеется в виду старый стиль. По новому стилю его днем рождения следует считать 7 января 1893 года.

Часть I. Дело русских семинаристов

Глава 1. Семинария

«... не было бы и нашей несчастной войны с Японией, если бы мы глубже знали Японию».

Святитель Николай Японский

1891

В 6 часов 38 минут 28 октября 1891 года в центре главного японского острова Хонсю произошло землетрясение силой около 8 баллов. Погибло более 7 тысяч человек, количество пострадавших превысило 17 тысяч. Было разрушено около 140 тысяч зданий и сооружений, начались пожары – самое страшное бедствие в Японии тех лет, сплошь застроенной деревянными домами с бумажными стенами. Отголоски подземных толчков докатились и до столицы страны – Токио. Они не были слишком сильными и не произвели особенно больших разрушений, но взоры небольшой группы столичных жителей с искренним волнением были обращены в тот день на только что построенное необычное здание, возвышающееся над городом на высоком холме Суруга.

Всего полгода назад, 8 марта 1891 года, там, на территории Русской православной миссии, состоялось освящение только что построенного православного собора Воскресения Христова. Это событие увенчало тридцатилетнюю историю проповеди православия в Японии, начавшуюся в 1861 году прибытием на северный остров Хоккайдо молодого иеромонаха Николая, в миру – Ивана Дмитриевича Касаткина. Приехавший на «божественные острова» в период почти герметичной изоляции Японии от всего остального мира и запрета на проповедование любых религий, кроме национальной – синто и давно пустившего корни буддизма, Николай столкнулся с невиданными и непредвиденными им трудностями. Ему мешали, его не слушали, случилась даже совершенно апостольская история о том, как злодей-язычник – бежавший от суда убийца купца самурай и настоятель синтоистского¹ храма по имени Савабэ Такума стал первым христианином и священником, приняв символическое в той ситуации имя – Павел. Была, и всю жизнь продолжалась, катастрофическая нехватка денег на самые неотложные нужды, не оставляющая любое достойное дело в России по сей день. Удручающим препятствием стал сам по себе японский язык, про который один из португальских миссионеров сказал, что он настолько труден в изучении, что в его изобретении можно заподозрить дьявола, решившего не допустить таким образом распространения веры Христовой на Японских островах. Пусть сейчас в нас заговорит великодержавная гордость, но Николай оказался терпеливее и талантливее тех миссионеров, ибо справился и с этим препятствием, сам в совершенстве овладев японским языком, переведя на него за полвека своего подвижничества почти всю Библию, едва ли не все православные богослужебные книги, многие тома богословской литературы.

Переехав в 1872 году в Токио, уже архимандрит Николай основал православную миссию на арендованном участке земли недалеко от императорского дворца. В 1875 году там же была открыта православная семинария с программой обучения, аналогичной русским

¹ Синто – национальная религия Японии, близкая к анимистическим культам. В православии считается язычеством.

семинарским программам, но предусматривавшей постепенный переход преподавания на японский язык, а в 1884 году началось строительство собора – того самого, что переживет и землетрясение Ноби 1891 года, и своего основателя, и, хотя и с огромными потерями, Великое землетрясение Канто 1923 года, и еще многие-многие невзгоды. Пока же собор, ставший центром церковной жизни для 18 тысяч японских православных и прозванный ими в честь основателя «Никорай-до»², радовал глаз своим великолепием. То, как собор выстоял во время сильного землетрясения, внушало верующим надежду и оптимизм.

К сожалению, новости об отношениях между Россией и Японией, доносившиеся до епископа Николая в год открытия храма, были не столь радостными. После освящения собора он с нетерпением ожидал прибытия в Нагасаки 23-летнего цесаревича Николая Александровича, путешествовавшего на борту фрегата «Память Азова» по восточным странам. Наследник российского престола сошел на японский берег 27 апреля и находился в предвкушении особого приема в одной из самых загадочных стран Востока, согласившейся показать себя миру каких-то три десятка лет назад. Новости о бурных переменах, начавшихся в сонной в прошлом Японии, до Петербурга докатывались и вызывали любопытство. Наиболее прозорливые политики уже видели в перспективе Россию и Японию главными соперниками за влияние на Дальнем Востоке, но двор эти прогнозы волновали мало. Прибывавшие в русскую столицу японские принцы встречались там хоть и не с искренним интересом к своей стране, но с исключительными почестями, достойными европейских монархов. Теперь же Токио предстояло вернуть долг вежливости, тем более что такого уровня представители августейших фамилий «божественные острова», как называли свою страну японцы, еще не посещали³.

Старший сын Александра III – цесаревич Николай был в то время большим любителем восточной экзотики и планировал пробыть в самой дальневосточной стране около месяца. В свою очередь, японское императорское правительство собиралось произвести на него сильное и приятное впечатление, хотя визит сразу пошел не по привычному для таких случаев сценарию. Сначала цесаревич чуть было не обзавелся «временной» японской женой, по тогдашнему обычаю моряков, но, поддавшись уговорам советников, «отделался» татуировкой в виде дракона и получил массу впечатлений от визита на русское кладбище и в ресторан «Волга», где провел время в компании девушки необременительного поведения. Николай побывал в прекрасных городах Кагосима, Кобэ и Киото, но 11 мая в пригороде последнего – Оцу его путешествие закончилось. Один из охранявших процессию полицейских, свихнувшийся на почве ненависти к иностранцам – весьма распространенного тогда среди японцев чувства – Цуда Сандзо, напал на цесаревича. Японец нанес русскому принцу несколько ударов по голове полицейской саблей, по счастью оказавшихся несмертельными. Преступника арестовали, но путешествие пришлось прервать. В Киото раненого Николая Александровича с извинениями и соболезнованиями посетили два важных гостя. Первым стал император Японии Мэйдзи, примчавшийся из Токио на литерном поезде, ради которого было остановлено все движение на важнейшей магистрали страны. Вторым – епископ Николай, к которому японский император обратился с просьбой сделать все возможное для сохранения добрых отношений между странами. Отец Николай свою миссию выполнил, но до сих пор многие историки считают, что рана от японской сабли на голове русского царя стала одним из поводов для его японофобии, если, конечно, таковая вообще имела место. Так или иначе, в Токио Николай Александрович не попал и «Никорай-до» не посетил.

² Буквально: «Дом Николая». Звук «л» японцы произносят очень близко к «р». Подробнее об истории собора и православия в Японии см.: *Сабина Э. Б.* 150 лет православия в Японии. История японской православной церкви и ее основатель архиепископ Николай. М. – СПб. 2006.

³ Подробнее об этом визите см.: *Мещеряков А. Н.* Император Мэйдзи и его Япония. М., 2009.

Из Японии цесаревич прямиком отправился домой – в Россию. Путь его лежал через Владивосток – русский форпост на Тихом океане, основанный в 1860 году. Здесь будущий и последний самодержец всероссийский выполнил еще одну очень важную миссию: провез первую – символическую, тачку с землей на возведении конечного пункта Транссибирской железной дороги.

Решение о строительстве дороги, связывающей русскую столицу с ее восточными владениями, было принято еще в 1887 году, но грандиозный проект нуждался в не менее грандиозных проектных изысканиях и инвестициях. Желание владеть Востоком из Петербурга было настолько сильным, что собрать все вместе удалось довольно скоро – как раз к завершению восточного вояжа Николая Александровича. Строительство дороги началось одновременно с двух сторон: из Владивостока и из Челябинска, до которого «железка» уже докатилась. Темпы, которыми находись деньги и началось строительство, свидетельствовали, что Россия полна сил и готова побороться за влияние на Дальнем Востоке любыми способами. Со временем от Транссибирской магистрали отошла особая ветка – Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) со своей столицей – русским городом Харбином, возникшем из ниоткуда посреди маньчжурского Китая. Тогда же эта дорога, по которой распространялось русское влияние на Дальний Восток, явилась одним из главных поводов для воинственной конкуренции между претендентами на влияние в Корее и Северном Китае, что и вылилось в результате в Русско-японскую войну 1904–1905 годов. Зная сегодня эту историю, уже не представляется случайным совпадением принятие все в том же 1891 году на вооружение русской императорской армией чудо-оружия – магазинной винтовки конструкции капитана Мосина...

Но это сегодня представляется, что запустить в серию будущую знаменитую трехлинейку, и начать строить Транссибирскую железнодорожную магистраль было так несложно, а Россия казалась тогда ко всему готова и на все способна. На деле все вышло совсем не так просто. Год 1891-й был тяжел и страшен не только для крестьянской Японии, сотрясаемой землетрясениями, но и для крестьянской же России, лишившейся надежды на хорошие урожаи из-за надолго установившейся аномальной погоды.

Суровая, бесснежная зима началась еще в октябре 1890 года. Сухую февральскую оттепель сменили мартовские заморозки 1891 года, а с апреля началась жара, простоявшая весь остаток весны и все лето. Хотя в некоторых регионах, например на Северном Кавказе, урожаи, наоборот, были выше ожидаемых, в целом по стране хлеба собрали на четверть меньше, чем обычно. Особенно в тяжелом положении оказались выжженные солнцем черноземные, поволжские и уральские губернии. Более 30 миллионов человек оказались на краю голода, каннибализма и страшной смерти. Нечем было кормить скотину, и с крестьянских домов повсеместно сняли соломенные крыши. Жара и голод усугубились болезнями растений, мором животных, эпидемиями тифа, дизентерии и холеры среди голодающих крестьян. Государство, как могло, пусть неуклюже и неумело, но пыталось спасти свой народ. Были организованы различные «общества вспомоществования», фонды, пункты питания и лечения. В деревни поехали и крупные землевладельцы, среди которых оказался и великий писатель Лев Николаевич Толстой, который в пострадавших губерниях занимался благотворительной деятельностью и писал, писал, вызывая сограждан к содействию. Он воочию убеждался в том, как страшен неурожай в крестьянской стране: «Люди и скот действительно умирают. Они не корчатся на площадях в трагических судорогах, а тихо, со слабым стоном болеют и умирают по избам и дворам. Умирают дети, старики и старухи, умирают слабые больные. И потому обеднение и даже полное разорение крестьян совершалось и совершается за эти последние два года с поразительной быстротой. На наших глазах происходит непрерывающийся процесс обеднения богатых, обнищания бедных и уничтожения нищих... Вот что происходит в экономическом отношении. В нравственном же отношении происходит упа-

док духа и развитие всех худших человеческих свойств человека: воровство, злоба, зависть, попрошайничество и раздражение, поддерживаемое в особенностях мерами, запрещающими переселение... Здоровые слабеют, слабые, особенно старики, дети, преждевременно в нужде мучительно умирают»⁴. И хотя историки разошлись в оценках причин самого голода и успешности действий властей, все так или иначе пришли к одному и тому же выводу: систему надо менять. Другой русский писатель – Антон Павлович Чехов – тоже все видел своими глазами, как мог, боролся тогда с голодом и эпидемиями и писал тогда в рассказе «Жена»: «...придешь в избу и что видишь? Все больны, все бредят, кто хохочет, кто на стену лезет; в избах смрад, ни воды подать, ни принести её некому, а пищей служит один мёрзлый картофель. Фельдшерица и Соболев (наш земский врач) что могут сделать, когда им прежде лекарства надо хлеба, которого они не имеют?... Надо лечить не болезни, а их причины».

В декабре 1890 года Антон Павлович вернулся из страшно тяжелого путешествия на Сахалин, где впервые в истории провел перепись населения и подготовил заметки для будущей книги «Остров Сахалин». Страшно потрясенный увиденным бытом каторжников и их охранников, Чехов создавал книгу пять лет, не зная, что, пока он возвращался в Москву, пока писал о голоде и рассказывал жуткие каторжные истории, Сахалин и Японские острова, архиепископ Николай Японский и японская рана цесаревича Николая, голод, трехлинейка Мосина и только начатая КВЖД уже завязались в плотный клубок событий, из которого история очень скоро соткала самое удивительное полотно, которое я собираюсь развернуть перед читателем в этой книге. Но для начала вернемся туда, откуда мы начали, – в Токио.

Под крылом Николая Японского

Токийская православная духовная семинария, основанная на территории русской духовной миссии в 1875 году (первый выпуск состоялся в 1882 году), была одним из любимых детищ владыки Николая и требовала от него множества сил и времени, которые он посвящал ей с великим удовольствием и заботой. Долгие годы он был ее ректором, а передавая бразды правления ее же выпускнику Иоанну Сэнума, остался неформальным, но строгим и внимательным куратором.

Располагалась семинария, в том числе два ее общежития для учеников, в нескольких деревянных домиках в непосредственной близости от здания миссии, возвышавшегося на всем Токио на крутом холме Суругадай, у берегов реки Канды. На учебу по программе, аналогичной русским духовным семинариям, за исключением изучения классических языков, принимались ученики в возрасте от 14 до 60 лет. Со временем, чтобы выпускники, не окончив установленных семи лет обучения, не попадали на военную службу (призывной возраст в Японии был тогда 21 год), в классы стали принимать и подростков 13 лет.

По местным законам преподавание религии было невозможно в государственных школах, и все учебные заведения, где таковое значилось в программе – вне зависимости от того, буддийские, синтоистские или христианские они, являлись частными. Не давала семинария своим выпускникам и никаких преимуществ при поиске работы, считалось, что единственная ее цель – получение православными японцами соответствующего духовного образования. Так что престиж образования, полученного в русской миссии, зависел только от престижа ее главы и общего интереса японцев к России. При этом все расходы на содержание и обучение брала на себя церковь, а потому, в зависимости от ее финансовых возможностей, число учеников колебалось в разные годы от нескольких человек до сотни семинаристов. Конечно, в период Русско-японской войны число учащихся упало катастрофически по вполне понятным причинам политического характера.

⁴ Толстой Л. Н. О голоде // Полное собрание сочинений в 90 т. М., 1954. С. 29.

Преподавание велось на японском языке, хотя поначалу из-за отсутствия переводов богослужебных книг использовался и русский. Но к периоду, который рассматриваем мы, то есть к началу XX века, это уже ушло в прошлое. Все предметы в то время преподавали японцы, сами бывшие выпускники семинарии, среди которых особое место занимал Сэнума Какусабуро, в крещении – Иоанн (Иван Яковлевич). Его супруга Сэнума Каё была знатоком русского языка и тоже проводила немало времени со старшими семинаристами, которые помогали ей в переводах на японский язык произведений А. П. Чехова и других русских авторов. Впрочем, по свидетельству некоторых учеников, она испытывала к ним не только гуманитарное влечение, что было причиной серьезных конфликтов в семье Сэнума и в целом в семинарии.

Для управления духовным учебным заведением был создан совет преподавателей, который руководил ее учебно-методической и хозяйственной деятельностью и предоставлял отчеты о своей работе главе миссии. К нему же каждый день являлся с докладом и ректор И. Сэнума, в результате чего владыка Николай, как правило, был в курсе всего происходящего в семинарии и хорошо знал способности и недостатки каждого ученика на протяжении всех трех с лишним десятков лет своего руководства этим учебным заведением.

Порядок в семинарии был установлен почти военный, что вполне согласовывалось с теми условиями, в которых существовало большинство японских школ того времени. Учебные процессы и внеклассное время даже в самых обычных школах и колледжах жестко контролировались министерством образования Японии с четким пониманием того, что именно в школах готовились кадры для бурно и чрезвычайно воинственно развивающейся Японии. Страна, готовившаяся стать настоящей империей, планирующая, а затем и ведущая вполне успешные захватнические войны, была заинтересована в большом количестве дисциплинированных, хорошо образованных и выносливых солдат и «тружеников тыла». Сама система образования была организована как странный, на наш взгляд, симбиоз традиционных самурайских школ и прусских учебных заведений, замешанный на духовной основе так называемого «государственного синто». Однако в этой системе было немало рационального, и не случайно поэтому во всех японских школах, и семинария не была здесь исключением, особое внимание уделялось дисциплине, гимнастике, развитию выносливости и закаливанию учеников. Более того, семинаристы даже выделялись по этому показателю среди японских одноклассников. В каникулы они отправлялись организованным порядком отдыхать к морю или на специально для них построенную в европейском стиле дачу в местечке Тоносава у подножия горы Фудзи, где неизбежно производили приятное впечатление на местных жителей. 15 (28) августа 1903 года, например, владыка записал в своем дневнике: «Прибыли сегодня и ученики, которых я отправил на каникулы в Босю, все с здоровым видом, загоревшие и бодрые... Вели себя ученики так добропорядочно, что заслужили похвалу в местной газете: "Много-де нынче собралось проводить время жаров в Босю, но всех лучше и благодарнее ведут себя духовные воспитанники с Суругадай"»⁵.

Не менее приятное впечатление производили семинаристы и в Токио. Часто заезжавшие в миссию путешественники с удовольствием отмечали крайне скромную, но уютную и достойную обстановку семинарии, общежития, где ученики спали по-европейски – в кроватях, увешанные в строгом порядке географическими картами и таблицами классы, в которых семинаристы сидели на занятиях по-японски – на полу, всегда образцово чистый двор, веселые и непринужденные лица учеников, одетых, в зависимости от занятий, либо в прусского типа мундирчики с фуражками, либо в традиционные японские кимоно и широкие штаны – хакама. Все это были результаты не только доброго и покровительственного отношения преподавателей и самого главы миссии к семинаристам, но и строгого спроса, кото-

⁵ Дневники Святого Николая Японского. Саппоро, 1994. С. 250–251.

рый неизбежно и в кратчайшие сроки настигал нарушителей дисциплины и нерадивых учеников, которые, конечно, тоже встречались. Такая, почти идиллическая, картина внутреннего психологического климата семинарии, ставшая результатом сочетания искреннего радения православного епископа о своих учениках и совершенно японской конфуцианской модели внутрисемейных отношений с выраженным покровительством и заботой старших о младших в ответ на беспрекословное подчинение и дисциплинированность последних, хорошо отображена в опубликованных все в том же 1891 году воспоминаниях одного из бывших семинаристов – Сергия Сёдзи: «И вот сбылось мое желание: я стал воспитанником семинарии и поселился в Суругадае... Я принялся усердно – не так, как занимался в английском училище, – за изучение русского языка: это было тем более необходимо, что я поступил в семинарию две недели после того, как начались занятия. Новые мои товарищи, вместе со мною поступившие в семинарию, очень мне понравились: все они с первой встречи показались мне искренними и добрыми. Всех их было около пятидесяти. Из них три четверти были юношами взрослыми; остальные были такие же дети, как и я, и их поместили всех вместе в одну большую комнату, составлявшую особое царство молодцов, как называл нас преосвященный Николай, когда посещал наше жилище. Разумеется, наша молодцовская комната была самой веселой и шумной во всей семинарии, но зато занимались мы и успевали в учении также молодецки. Хотя старшие из вновь поступивших помещались отдельно от нас, но мы все весьма скоро познакомились между собою, и из нас составила как бы одна семья, связанная истинно братскою дружбою... Такова была товарищеская среда, в которой очутился при начале моего учения в семинарии. Во главе же семинарской семьи стоял... сам преосвященный Николай...

Быстро текло для нас время среди трудных для нас занятий русским языком, Священной историей Ветхого Завета и другими новыми для нас предметами. Между тем взаимная дружба между воспитанниками все росла и укреплялась. А наше царство молодцов становилось все веселее и шумнее. Наступил ноябрь; и хотя еще не было снега, чувствовалось приближение зимы. Начались утренние морозы, и по вечерам стали неудобными игры на площадке с гимнастическими приборами. Но молодцы не унывали. Во время вечернего перерыва занятий они собирались в большой зале; к ним присоединялись многие из старших, и там веселые игры заменяли им гимнастические упражнения; после получасового вольного моциона они бодро принимались за предстоящие им полуторачасовые занятия. Иногда, бывало, проходит в это время через залу преосвященный Николай. "С добрым вечером!" – приветствуем мы его громко и дружно и непременно по-русски. Преосвященный, со свойственной ему живостью и веселостью, ответит на наш привет. Старшие из находящихся тут учеников, естественным образом, при входе владыки принимают вид более степенный и чинный.

Но вот прошли полтора часа тихих вечерних занятий. Совершена и общая вечерняя молитва. К десяти часам вечера все воспитанники разошлись по спальням. Во дворе морозно и тихо, и к нам в спальню через окна бросает свои холодные лучи яркая луна. Уже в спальне прерывается тихий шепот еще не наговорившихся товарищей. Но вот среди этой тишины проносится густой и мягкий звук первого удара в колокол далекого буддийского монастыря. За ним мерно следуют другие удары: этим звоном у нас заменяется бой часов. В разных углах спальни поднимается где тихий говор, где сдержанный хохот, где оживленный спор вполголоса между соседями по койкам. Но вдруг все голоса смолкают. В спальню вступил преосвященный Николай. Он тихо проходит между койками, столь же тихо удаляется, и вскоре затем вся спальня погружается в глубокий сон»⁶.

⁶ Сёдзи С. Как я стал христианином // Святитель Николай Японский в воспоминаниях современников. М. 2012. С. 387–390.

Конечно, цементировалась тяга к учебе и дисциплине и общей для семинаристов целью – стать православными священнослужителями. Но епископ Николай долгие годы вынашивал идею об открытии семинарии и для «язычников», то есть для японцев, не желавших креститься и остававшихся в рамках привычных им национальных религий – синто и буддизма. Этот план так никогда и не был реализован по причине отсутствия средств на него, а жаль. Аналогичные проекты западных миссионеров превратились со временем в престижные и процветающие ныне университеты: Дзёти (Св. Софии) и Аояма гакуин в Токио, Досися – в Киото⁷.

Вообще, в противоположность истории популяризации христианства в Японии западными миссионерами подвижничество святителя Николая носило четко выраженное несоответствие между его личным отношением к вере, необыкновенным энтузиазмом и выдающимися способностями, с одной стороны, и возможностями, прежде всего финансовыми, которыми располагала Русская церковь, – другой. При всем старании нам сейчас вряд ли удастся вспомнить сегодня хоть одного западного миссионера, сделавшего проповедь христианства в Японии делом своей жизни настолько многогранным, чтобы она не только захватила его целиком, но и, как это произошло с Николаем Японским, за полвека пребывания в этой стране выковала из него блестящего ученого и исключительно глубокого знатока японского менталитета. Он сам не раз говорил, что чувствует в себе дар японоведа и имеет силы и желание для изучения этой страны, но важность и нужность проповеди православия среди японцев ощущает несравнимо сильнее, и с этим делом всей его жизни не сравнится никакое другое. Николай Японский еще на первом этапе своего познания страны написал серьезный и весьма объемный исторический очерк Японии, основанный на изучении неизвестных тогда русским ученых книг – «Дай Нихонси», «Кокусирияку», «Иси», «Нихон гайси». Однако вторым, и несравнимо более тяжким, прежде всего морально, был этап познания особенностей японского духа, менталитета местных жителей, находившихся к тому же на пике своего неприятия нашей страны, ненависти к ней и отвращения ко всему русскому. В Японии конца XIX века отлично понимали, в отличие от подслеповатой на Восток России, кто будет ее главным соперником в борьбе за обладанием Маньчжурией и Кореей. Это понимание не скрывалось – наоборот, на нем воспитывались целые поколения, и такое русофобское воспитание удачно ложилось на имевшую самурайские корни подозрительность и ненависть к западному духу. Профессор японоведения Дмитрий Матвеевич Позднеев, тесно общавшийся с владыкой в его последние годы, позже вспоминал о знаменитой истории крещения Николаем первого японца – того самого синтоистского священника и бывшего самурая-убийцы Савабэ Такума. Пришедший за жизнью русского монаха Савабэ сказал ему: «Вас, иностранцев, нужно всех перебить. Вы пришли сюда выглядывать нашу землю. А ты со своею проповедью больше всего повредишь Японии!»⁸ Николай сумел уговорить Савабэ сначала выслушать себя, и в результате Япония получила первого православного соотечественника, а позже и первого православного священника, но не с каждым японцем имел возможность лично побеседовать святитель, и не каждый был способен его выслушать. Совершенно такие же взгляды, как у Савабэ до его встречи с отцом Николаем, мы находим у до сих пор популярного в этой стране путешественника Рицусан Камисима Нагахиса, который в 1893 году посетил перешедший к русским Сахалин и излагал свое негодование так: «Широко открыв свои глаза от душившей меня злобы, смотрел я в сторону Санкт-Петербурга, на запад, где черными пятнами клубились, сливаясь с водою, зловещие облака». Открытие русской духовной миссии в Токио, строительство православного собора на холме Суругадай у

⁷ Подробнее об этом см.: *Саблина Э. Б.* 150 лет Православия в Японии. История Японской Православной церкви и ее основатель святитель Николай. М., 2006. С. 66–69.

⁸ *Позднеев Д. М.* Архиепископ Николай Японский (Воспоминания и характеристика) // Святитель Николай Японский в воспоминаниях современников. М. 2012. С. 63.

многих японцев вызвали чувства, выраженные тогда в газете «Нихон»: «Православная церковь является злостным местом, откуда сыпятся проклятия на голову Японии и где молятся за ее поражения. Она всегда была центральным агентством шпионов, состоящих на русской службе. Японцам ненавистен купол русского собора, который, возвышаясь над всем городом, как бы шлет презрение самому императорскому дворцу, ненавистен храмовый колокол, который каждое воскресное утро докучает своим гвалтом мирному сну жителей... вся Япония была полна именно этой злобой, ненавистью, фанатическим зложелательством по отношению к России. Не знала этого только Россия, но архиепископу Николаю пришлось с этим столкнуться первому из русских на деле»⁹. Но чего явно не ожидал святитель, так это того, что такое «зложелательство» с годами будет только расти, шириться и крепнуть.

«Начиная с жреца Савабэ, желавшего убить архиепископа, проявление ненависти со стороны японцев преследовало владыку постоянно. Без преувеличения миллионы газетных статей за эти пятьдесят лет объявили его "ротаном", то есть русским шпионом. Православные христиане назывались в Японии "Никораи но яцу", то есть "Николаевские негодяи", или "Суругадаи но яцу", то есть "Суругадайские негодяи"... Если биограф покойного архиепископа вздумает когда-либо собрать все те клеветы, которые распространяла про покойного японская пресса, то это издание займет десятки, если не сотни томов. Только после Русско-японской войны отчасти под впечатлением удовлетворенной национальной гордости, отчасти на деле убедившись, как далека была вся деятельность покойного владыки от политических интриг, японское общество начало смотреть на него разумнее и сознавать свою несправедливость. В этом отношении чрезвычайно характерным является отзыв одной из самых шовинистических и русофобских газет «Ниппон» об архиепископе Николае, напечатанный в 1909 году. «Если бы архиепископ Николай был рожден в другой стране и принадлежал к другой Церкви, – писала эта газета, – он был бы высокоуважаем нашим народом как талантливый иностранец, имеющий самые разнообразные и тесные отношения с японцами, оказавший стране большие услуги и любящий последнюю как свою вторую родину. Но как русский по происхождению и епископ Греческой Церкви, отец Николай пользуется, в лучшем случае, индифферентным отношением со стороны японцев»¹⁰, – продолжал Д. М. Позднеев и отвечал на причины успеха архиепископа в своих трудах: «... он вынес на своих плечах апостольскую работу в адских условиях ежесекундной клеветы, гонений, подозрительности... Вместе с мягкостью, он был железным человеком, не знавших никаких препятствий, с практичным умом и администратором, умевшим находить выход из всякого затруднительного положения. Вместе с любезностью, в нем была способность быть ледяным, непреклонным и резким с людьми, которых он находил нужным воспитывать мерами строгости, за что-либо карать или останавливать. Вместе с общительностью, в нем была очень большая, долгим опытом и горькими испытаниями приобретенная сдержанность, и нужно было много времени и усилий, чтобы заслужить его доверие, и откровенность. Наряду с какою-то детской наивностью веселого собеседника, в нем была широта идеалов крупного государственного ума, бесконечная любовь к родине, страдание ее страдание и мучение ее мучениями»¹¹.

Что касается отношения к владыке в России, то «можно ли искать большего игнорирования человека, большего пренебрежения к его трудам над изучением никому не ведомой тогда Японии? – риторически восклицал профессор Позднеев и продолжал: —... делавшего свое прямое, святое культурное дело и ни в чем, кроме этого, не повинного архиепископа Николая травили с двух сторон: японцы – как русского политического агента, шпиона аги-

⁹ Там же. С. 63, 123.

¹⁰ Там же. С. 95–96.

¹¹ Там же. С. 50–51.

татора, сеющего на японской почве измену и симпатии к вероломной, хищнической России; русские – как деятели, сообщающего Японии о России то, чего ей не нужно знать, подготавливающего из японцев знатоков русского языка и расточающего русские деньги для того, чтобы подготавливать врагов России»¹². В таком настроении, в таком состоянии и с такой окружающей его международной обстановкой архиепископ Николай встретил просьбу о том, чтобы семинария перестала быть только японской.

Русские пришли

Еще в конце XIX века при семинарии время от времени воспитывались русские подростки, но ни история их попадания в миссию, ни дальнейший жизненный путь нам точно не известны. Можно лишь с уверенностью утверждать, что они были случайными учениками владыки Николая, в отличие от тех групп русских мальчиков, что прибыли в Токио в начале XX века.

Сегодня фраза о том, что «епископ Николай Японский был единственным русским, не покинувшим Страну восходящего солнца во время войны 1904–1905 гг.», стала привычным клише литературы о российско-японских отношениях столетней давности. Между тем это высказывание вряд ли имеет право на существование, ибо не является истинным. Николай Японский не был единственным нашим соотечественником в Токио в те тяжелые дни, и сам он прямо упоминал об этом в своих дневниках. Во-первых, в стране в то время пребывало несколько граждан России разного статуса (от купцов до воспитанников западноевропейских интернатов), по разным причинам не имевших возможности вернуться на родину. Однако посольство не оставило о них практически никаких упоминаний, а прихожанами Никорай-до они не были, отчего владыка о них попросту не знал. Во-вторых, и это уже имеет непосредственное отношение к нашей истории, рядом с ним все время находились те самые люди, чьи судьбы до сих пор остаются в тени научных исследований, невзирая на сыгранную ими важную роль в двусторонних отношениях. Речь идет о русских семинаристах¹³.

Хотя о самом факте подготовки в Токийской православной семинарии профессиональных переводчиков-японистов было известно давно, эта тема долгое время не вызывала пристального внимания историков. Еще в 1970 году в советское время, впервые о русских семинаристах в Токио писал бывший лидер «младороссов», ставший старшим консультантом Отдела внешних сношений Московского патриархата Александр Львович Казем-Бек (запомним эту редкую фамилию!). В 1990-х годах московский востоковед А. Н. Хохлов подготовил первую обширную работу, посвященную семинаристам и опирающуюся на архивные исследования¹⁴. В 2003-м вышла уникальная книга историка борьбы М. Н. Лукашева «Сотворение самбо. Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской»¹⁵, посвященная биографии самого известного из учеников Николая Японского – Василия Ощепкова, а потому проливающая свет на некоторые детали обучения русских мальчиков в Токио. Главы, посвященные обучению Васи Ощепкова в семинарии, стали не просто ценным источником информации для исследователей, поскольку М. Н. Лукашев использовал уникальные сведения, почерпнутые им из ненадолго открытого секретного архива нашего разведывательного ведомства,

¹² Там же. С. 97.

¹³ Г. Д. Иванова в своей книге «Русские в Японии XIX – начале XX в.» (М., 1993) сообщала еще о двух спутниках архиепископа в годы войны: бывшем настоятеле посольской церкви С. Глебова и дьяконе Львовском. Однако дневники святителя Николая полностью опровергают эту версию.

¹⁴ Хохлов А. Н. Подготовка русских переводчиков-японистов в Японии и деятельность И. Д. Касаткина (вторая половина XIX в. – начало XX в.) // Восток. 1994; Роль Токийской православной семинарии в подготовке переводчиков-японистов // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2. СПб., 1996.

¹⁵ Указ. соч. М., 2003.

но и почвой для бесчисленных спекуляций на этой теме разнокалиберных псевдопатриотических кликуш. Вызванный обращением к Ощепкову град публикаций в средствах массовой информации, особенно электронных, извратил не только детали его семинарского прошлого, но и всю его биографию таким образом, что проще эту «литературу», изданную в том числе на иностранных языках и в прекрасном полиграфическом качестве, сжечь, чем пытаться исправить допущенные в ней ошибки. Чего только не напридумывали горе-исследователи, пытаясь высосать из пальца «новое слово» об Ощепкове: и что он был послом России в Японии, и что специально откомандировывался к владыке Николаю из Санкт-Петербурга, и что учился в киотской семинарии, которой и в природе-то никогда не существовало... Со временем имя Ощепкова становится все популярнее, поток публикаций такого рода все ширится, и вот уже на российских просторах появились «внуки» и «правнуки» знаменитого семинариста...

В 2006 году исследователь из Иркутского государственного университета С. И. Кузнецов опубликовал в Интернете важнейшие документы, найденные им в архивах разведки Заамурского округа пограничной стражи (город Харбин) и проливающие свет над тайной того, как попали подростки из России в Токийскую семинарию: переведенные на русский язык статьи из японских газет и журналов, рассказывающие о «русских мальчиках», и комментарии к ним сотрудников русской разведки (Приложение 1)¹⁶.

Сопоставляя теперь все имеющиеся данные, мы можем всю историю обучения в Токийской православной духовной семинарии русских учеников разделить на три хронологических этапа: 1902–1906; 1906–1913 и 1913–1919 годы. Что касается первого, то он начался в феврале 1902 года с обращения главного начальника Квантунской области и будущего наместника императора России на Дальнем Востоке вице-адмирала Е. И. Алексеева к главе русской духовной миссии в Токио епископу Николаю с просьбой принять в семинарию двух мальчиков для подготовки из них переводчиков японского языка. Владыка Николай согласился, поставив при этом условия, которым следовал и в дальнейшем: семинаристы должны были быть не моложе 14 лет, готовые постоянно находиться среди однокашников-японцев, одеваться в японскую одежду и питаться японской же пищей, то есть вести образ жизни, обычный для семинарии. Военное ведомство должно было возместить невысокую стоимость содержания русских воспитанников – лишних денег у миссии не было (Приложение 2)¹⁷. Стороны быстро сговорились, и в августе 1902 года в Токио прибыли те самые двое русских, которые вскоре разделили с Николаем тяготы пребывания во вражеском стане. Вот как об этом рассказывал 10 лет спустя Д. М. Позднеев: «Владыка с удовольствием принял этих мальчиков, за содержание которых миссии уплачивались самые ничтожные суммы. Началась, однако, война, и об этих мальчиках в России совсем забыли. Высылка денег на их содержание прекратилась, и епископ имел бы полное право отправить их на родину вместе с уезжавшими перед войною русскими. Он, однако, так не сделал. Наоборот, он убедил мальчиков остаться в Японии, объяснив им всю важность изучения японского языка. И прошло целых три года, прежде чем наши восточносибирские власти вспомнили о забытых детях. Их содержала, кормила и обучала все это время Православная Японская миссия и обучила настолько, что по первому же требованию они были в состоянии выехать и занять места переводчиков: один – в Харбине, другой – в Хабаровске. Этот пример побудил харбинские и хабаровские власти командировать в Духовную семинарию уже целый комплект русских мальчиков, которые и обучаются доселе там японскому языку и письменности»¹⁸.

¹⁶ Кузнецов С. И. Первые русские ученики в Японии // Восток-Запад в контексте мировой истории. Материалы Всероссийской научной конференции. Иркутск, 2011. С. 206–215.

¹⁷ Россия. 1908. 31 декабря. № 953.

¹⁸ Указ. соч. С. 114.

Изложенная самим владыкой в его дневниках история выглядит несколько иначе и расцвечена подробностями. За два дня до начала войны, когда все уже стало понятно и русские дипломатические и торговые представители покидали Токио, в воскресенье 25 января (по старому стилю) 1904 года глава миссии записал: «Здесь в Семинарии учатся японскому языку два русских мальчика из Порт-Артура, чтобы быть потом переводчиками. Приходили спрашивать: "Им уезжать или оставаться?" Но куда же уезжать? В Порт-Артур теперь и попасть трудно. Притом к кому им там? У одного (Легасова) родителей совсем нет – убиты были в Китайскую войну, а дядя уехал, кажется, в Россию; у другого (Романовского) родители вернулись в Россию. Оба они казачата. Они и сами больше склонны к тому, чтоб остаться и продолжать занятия. Конечно, им трудно будет Сказал им терпеть и молчать, по пословице: "Терпи, казак, атаманом будешь"; улыбнулись и ушли» (Приложение № 3)¹⁹.

«Улыбнулись и ушли...» Нельзя не отметить в связи с этим, что святитель Николай, в целом не склонный к обильному проявлению в своих дневниках каких-то чувств, совершенно очевидно, испытывал к первым своим русским ученикам искреннюю симпатию. И хотя забота о пастве во время войны и переживания за родину надолго заслонили все другие заботы и заняли полностью мысли владыки, все же в самом конце войны, когда в Японии находились десятки тысяч русских военнопленных, а «казачата» по заданию главы миссии помогали им в переводах, Николай Японский с гордостью писал об их успехах в языке: «На экзамене в 3-м классе Семинарии по Гражданской Истории; 32 ученика и два русских. Класс хороший, много способных; отвечали хорошо почти все. Русские – Романовский и Легасов идут наравне с японцами; то же самое выучили и почти так же складно говорят, как они»²⁰.

Окончив затянувшееся и наполненное чрезвычайными обстоятельствами обучение, семинаристы уехали к местам службы, и здесь снова стоит процитировать их Учителя, оставившего подробную запись об этом событии: «14/27 июня 1906. Среда. Утром отправлены во Владивосток, через Цуруга, из Семинарии воспитанники Феодор Легасов и Андрей Романовский, которых в 1902 г. прислал сюда из Порт-Артура 14-летними мальчиками, чтобы научиться японскому языку и сделаться переводчиками, Адмирал Евг. Ив. Алексеев. Они стали говорить по-японски совершенно как японцы; изучили и письменный язык до чтения газет и нетрудных книг; кроме того, со здешними семинаристами получали общее образование. По сношении моем с Генералом Ник. Ив. Гродековым, командующим войсками на Дальнем Востоке, они назначены переводчиками, один к штабу в Харбине; другой в Хабаровск. Присланы они сюда на два-три года, но пробыли четыре; хотел я довести их до окончания семинарского курса, но им уже наскучило здесь, хотя товарищи были с ними очень хорошо, даже и во время войны обращались с ними деликатно. Жили они здесь в школе совсем по-японски – в японском платье, на японской пище, и были всегда здоровы»²¹. О финансовых трудностях, упомянутых Д. М. Позднеевым, – ни слова. Только гордость за первых русских выпускников и надежда на их светлое будущее. В дальнейшем владыка Николай еще раз вспомнил добрым словом Романовского и Легасова, первый из которых стал военным переводчиком, а второй гражданским, но, к сожалению, больше никаких данных о судьбе этих людей у нас пока нет.

Тем временем на смену Легасову и Романовскому готовились к отправке в семинарию целые группы будущих драгоманов²², необходимость наличия которых в войсках и шта-

¹⁹ Дневники Святого Николая Японского. Т. V. СПб., 2004. С. 11.

²⁰ Там же. С. 170. Запись от 8/21 декабря 1904 г.

²¹ Там же. С. 332–333.

²² В книге одного кандидата исторических наук, доцента, человека, располагающего, судя по всему, уникальными источниками информации – делами из архива военной разведки, я прочитал следующее объяснение этого термина: «Драгоман (профессионализм), от "драгировать" – добывать с помощью драги драгоценные ископаемые из россыпей. Драгоман в военной разведке – офицер, способный добывать ценные сведения о противнике». Логика автора проста: если разведчик

бах со всей очевидностью показала русскому командованию проигранная война. Сначала через военного агента (атташе) в Японии полковника В. К. Самойлова командование Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи, а также некоторых других соединений русской армии, обратилось к главе православной миссии принять новые группы учеников – всего 26 человек. Владыка Николай дал согласие на обучение 10 человек, и, по данным А. Н. Хохлова, в августе – декабре 1907 года в Токио приехали 11 русских подростков²³. В дневниках же святителя Николая называется другой год начала обучения – 1906-й²⁴. Учитывая, что курс подготовки переводчиков в семинарии был шестигодичным, а год выпуска части из них известен точно – 1912-й, последний вариант, даже по таким косвенным данным, выглядит вполне логичным. Более того, приводимый С. И. Кузнецовым перевод статьи «Как Япония показала русским мальчикам» из газеты «Тюо симбун» датирован 17 декабря 1906, а отнюдь не 1907 годом. Замечу однако, что после отъезда Романовского и Легасова и до 1908 года архиепископ Николай в своих дневниках о русских семинаристах вообще не упоминает, да и вообще дневниковые записи за 1907 год немногочисленны. Сведения о количестве, пофамильном списке и конкретных обстоятельствах того, как попали русские подростки в семинарию тоже оказались бы удручающе скудными, если бы в дело не вмешалась одна занозистая журналистка. Но прежде чем рассказать об этой удивительной истории, стоит упомянуть о некоем полуфантастическом проекте, который мог дать толчок для отправки «казачат» в Токио летом 1906 года.

«Детский сад» для шпионов?

Бывший офицер резидентуры КГБ в Токио как-то рассказал мне, что еще в начале 80-х годов один его коллега, работавший в Подмосковье под прикрытием церковного сана, завидовал «смежникам» из ГРУ: «У них один Иван Касаткин чего стоил! Лучшего разведчика, чем он, в Японии никогда не было!» Сегодня точно и достоверно известно, что Иван Дмитриевич Касаткин – архиепископ Николай Японский, причисленный в 1970 году к лику святых, – никогда не был разведчиком, но причина для зависти молодого кагэбиста все же существовала, и крылась она в размытых упоминаниях о какой-то группе молодых людей, которые якобы готовились в семинарии для работы против японцев.

Сам архиепископ Николай никогда и нигде не упоминал о возможности использования русских выпускников семинарии для работы в разведке – переводы и только переводы. Перечитывая сегодня его дневники и немногочисленные статьи в русской прессе, неизбежно приходишь к выводу, что глава православной миссии если и задумывался о разведывательной перспективе своих учеников, то гнал от себя эти мысли. Судьбы Легасова и Романовского в этом смысле могли его успокоить, хотя ни владыка Николай, ни мы сегодня не можем с уверенностью говорить о том, что и кому переводили с японского языка первые семинаристы. Тем более что до 1905 года вопросы военной разведки в регионе находили в ведении адмирала Е. И. Алексеева – того самого, что прислал их в Токио. Что же касается остальных, то преосвященный не дожидаясь окончания ими семинарии, а зная о планах военного командования просто не мог и не должен был. О том, что такие прожекты существовали –

умеет добывать «ценные сведения о противнике», он драгоман. Если нет – просто разведчик. Не очень понятно, правда, зачем его вообще на службе держат в таком случае, но, видимо, штат утвержден, и не всем же быть драгоманами? Наконец, если в нашей армии не хватало «образованных военных драгоманов», то уж, надеюсь, недостатка необразованных специалистов, способных добывать ценную информацию, не было? Так вот, не верьте. Драгоман – всего лишь переводчик с восточных языков. Зорге – разведчик, но не драгоман.

²³ Хохлов А. Н. Роль Токийской православной семинарии в подготовке переводчиков-японистов // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2. СПб., 1996. С. 70.

²⁴ Запись от 18 июня // 1 июля 1908. Дневники Святого Николая Японского. Т. V. СПб., 2004. С. 402.

обширные, детальные и исключительно амбициозные, – свидетельствует историк военной разведки, скрывающийся за псевдонимом Михаил Алексеев. В своей работе «Военная разведка России от Рюрика до Николая II» (Кн. 2. М., 1998) он подробно рассказывает о плане создания «Восточной коммерческой школы», а на самом деле «школе разведчиков Приамурского военного округа», состоящей из детского сада и специальной школы для подготовки юных разведчиков²⁵.

Удивительный проект этот был предложен специалистом по тайным операциям, участником Русско-японской войны, Генерального штаба капитаном И. В. Свирчевским, но в полной мере так никогда и не достиг стадии реализации – прежде всего из-за сложности в исполнении и отсутствии должного финансирования. Тем не менее усилия по хотя бы частичному претворению плана в жизнь военным командованием предпринимались, и в фокусе внимания разведчиков оказались возможности семинарии в Токио. Главным энтузиастом в решении вопроса о хотя бы частичной реализации плана создания «Восточной коммерческой школы» был тот самый капитан И. В. Свирчевский. Известные подробности его биографии свидетельствуют о том, что он был настоящим фанатом своего дела. После возвращения с Дальнего Востока он продолжил службу в армии, занимаясь тем, что, судя по всему, получалось у него лучше всего: «В период с 28.09.1909 г. по 30.12.1910 г. находился в Румынии, где изучал румынский язык. Осенью 1911 года дважды посещал Кишинев с секретными поручениями, после чего представлен к воинскому званию "полковник". За службу в Одесском военном округе [награжден] орденом Св. Станислава 2-й степени».

Мировую войну полковник Свирчевский встретил в должности начальника штаба 63-й пехотной дивизии. В 1915 году принял под начало 63-й Суздальский пехотный полк, которым командовал когда-то А. В. Суворов и который в память об этом носил его имя. Снова был награжден – на этот раз Владимиром с мечами. После Февральской революции стал генералом, получил дивизию, но в 1918 году, будучи поляком по происхождению, Свирчевский отправился в Киев, где вступил было в Украинскую армию гетмана Скоропадского, однако быстро разобрался, что к чему, и уже в осень того же года оказался на Дону, где встал под знамена Белого движения. Командовал 8-й Донской пластунской бригадой. Судьба генерала И. В. Свирчевского после ноября 1920 года неизвестна. Сохранились сведения о том, что он отказался вместе с остатками Белой армии покинуть Крым, после чего пропал. Почему он остался – до сих пор неизвестно. К сожалению, наиболее правдоподобный вариант развития его судьбы обычен для оставшихся: гибель во время массовых казней от рук чекистов²⁶.

Энергичный разведчик составил «Положение о школе разведчиков Приамурского военного округа», отличавшееся жестким патриотизмом на грани фола. Война только что кончилась, и понимание, что на ней все средства хороши, что только так можно победить, еще не ушло из сознания боевых офицеров. Широко известна, например, характеристика причин поражения России с точки зрения спецслужб, данная в 1910 году в брошюре «О нашей тайной разведке в минувшую кампанию» Генерального штаба полковника П. И. Измestьева. Он справедливо считал, что плохая работа русской разведки объяснялась: «... 1) отсутствием работы мирного времени как в создании сети агентов-резидентов, так и в подготовке лиц, могущих выполнять функции лазутчиков-ходоков; 2) отсутствием твердой руководящей идеи в работе разведывательных органов во время самой войны; 3) полной зави-

²⁵ Указ. соч. С. 210–212.

²⁶ Возможно, все не так просто. Дело в том, что в это же время пропал сын Свирчевского Виктор. Пропал, а затем внезапно нашёлся. По одним данным, он ушел с белыми в Болгарию, откуда, нелегально перейдя границу, вернулся в СССР в 1924 г. По другим – сын генерала уже с 1921 г. был членом партии большевиков. В 1935 г. Виктор Свирчевский был исключен из партии и сослан в Красноярский край как «социально опасный элемент», а затем арестован, но ненадолго. Всю жизнь он так и прожил в Сибири, став местной знаменитостью – основателем шахматного клуба. Следы его потомков теряются в Израиле.

симостью лиц, ведавших разведкой, от китайцев-переводчиков, не подготовленных к такой работе; 4) отсутствием образованных военных драгоманов; 5) пренебрежением к военной скрытости и секрету...»²⁷.

Мотивируя свою инициативу, которая в армии, как известно, не приветствуется, единомышленник и сослуживец Измествьева капитан Свирчевский писал о положительном японском опыте: «Минувшая кампания 1904–1905 годов показала, какую громадную пользу может принести тайная разведка, организованная заблаговременно и прочно... Система японского шпионства, широко задуманная и осторожно, но твердо проведенная в жизнь, дала им возможность еще до войны изучить нас, как своего противника, будущий театр войны, важнейшие его пункты; во время войны – следить за нашими войсками, не только в периоды боевого затишья, но даже и в бою... Так как вряд ли можно высказаться с уверенностью против новой войны с японцами, а весьма возможно, что и с Китаем, безусловно, необходимо, пользуясь временем, находящимся пока в нашем распоряжении, безотлагательно приступить к созданию кадра (так в документе. – *А. К.*) преданных нам людей, достаточно развитых и с известным объемом знаний, необходимых им при выполнении специальных задач шпионства в самом широком значении этого слова»²⁸.

Ипполит Свирчевский требовал создания возможностей для получения специального – шпионского – образования для агентов: «Имея в виду, что для выполнения задач разведывания питомцам школы придется не только посещать периодически страну "противника", но главным образом, жить в ней – очевидно, что общий характер образования даваемого школой, должен быть таков, чтобы разведчик мог сравнительно скоро найти себе там дело, которое и вести, не вызывая подозрений. Казалось бы, что наиболее соответственным для такой цели будет образование коммерческое, соединенное с изучением различных ремесел».

Дальше в «Положении» излагались совершенно конфуцианские добродетели – так называемый «Особый нравственный уклад», который, по мнению Ипполита Викторовича, должен был составить основу воспитания будущих шпионов: «Соответственное воспитание в духе **исключительного** (здесь и далее выделено в документе. – *А. К.*) признания интересов своей нации и готовности применить **все средства** к достижению наибольшей выгоды своему отечеству – должно быть поставлено на первом месте, так как недостаток в знаниях всегда пополнить можно, перевоспитаться же, особенно в направлении, требуемом целью школы, почти невозможно, если система такого воспитания не пройдет красной нитью через всю жизнь школы».

Понятно, что найти людей, даже молодых, способных подвергнуться такому воспитанию в полной мере, будет совсем не просто, и Свирчевский находит гениальный выход: воспитанниками школы должны были стать... сироты, «желательно монгольского типа» (что понятно, учитывая точное определение направления боевых действий), независимые ни от кого, кроме самой школы, полностью, без остатка преданные ей телом и душой.

Этакие Никиты начала прошлого века! Причем чем раньше начать воспитание детей-шпионов, тем больший из них может выйти толк: «А раз это так, придется принимать их почти не стесняясь возрастом, т. е. необходимо, кроме училища создать нечто вроде детского сада».

В результате организационная структура школы должна была состоять из: «а) детского сада, в котором воспитываются сироты-мальчики как китайские, так и русские от 5 до 10 лет; б) собственно училища, состоящего из 7 общих и 1 специального классов».

Решительно настроенный Генерального штаба капитан предусматривал возможность подготовки шпионов не только «с горшка», но и в исключительных случаях с 1-го класса

²⁷ Указ. соч. С. 28.

²⁸ Здесь и далее документ пит. по: *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. С. 210–212.

школы, однако в любом случае с возраста не старше 10 лет. Всего в специнтернате должно было обучаться 300–320 человек, из которых после различных отборов около трети могли оказаться «пригодными к предстоящей деятельности». Разрабатывая образовательный курс школы по образцу коммерческих училищ, имея в виду, что прикрытие коммерсанта для разведчика является универсальным, Свирчевский призывал <ни на одну минуту> не упускать из виду основную цель подготовки детей: «Почему явится возможность несколько сократить курсы почти всех предметов в тех их частях, кои не могут способствовать совершенству знакомства с Востоком или усвоению тех знаний, которые облегчат выполнение задач разведки».

Самым же необходимым для «спецсирот» считалось:

«1. Возможно более полное и подробное изучение государств Востока.

2. Твердое знание, до степени совершенно свободной разговорной речи, английского, китайского и японского языков.

3. Практические специальные знания:

а) чертежное искусство;

б) ремесла;

в) телеграфное дело;

г) железнодорожное дело в том объеме, который даст возможность определить при разведке технические данные устройства дороги;

д) некоторые отделы курсов топографии, тактики, администрации, фортификации;

е) хотя бы самые общие сведения об устройстве и организации военных флотов, что необходимо при разведке неприятельских портов».

Со свойственными ему практицизмом и предусмотрительностью капитан Свирчевский для «курсантов» старших классов школы летнюю стажировку в Японии. После окончания обучения выпускники на два-три месяца должны были прикомандировываться к штабу округа, где после нового этапа отбора лучшие направлялись бы в войска для подготовки к поступлению в военные училища и дальнейшей службе в разведке. Не забыты были интересы «крыши»: признанные неспособными «для выполнения задач тайного разведывания могут, дабы не терять их для пользы службы, назначаться в распоряжение наших консулов Дальнего Востока». Бедный МИД – неспособные сплавлялись туда, где своей неспособностью по роду службы должны были представлять величие державы!

Основной же части выпускников должны были быть поставлены задачи на ведение разведки, после чего им следовало «отправляться по одиночке для выполнения служебного поручения» и исполнять эти поручения не менее 4–5 лет.

Глядя сегодня на эти поистине наполеоновские или, если угодно, талейрановские планы, задумываешься: если бы то, что придумал и так скрупулезно прописал на бумаге Генерального штаба капитан Свирчевский, было претворено в жизнь, кто знает, может, и судьбы мира тогда сложились по-иному? Как ни крути, а представьте себе: армия русских сирот-шпионов, вооруженных опытом Русско-японской войны и воспитанных «в духе исключительного признания интересов своей нации и готовности применить все средства», могли стать страшной силой на азиатских полях брани. Сотни, да пусть хоть десятки агентов в Токио, Иокогаме, Кобэ, Шанхае, Урге, Пекине, Дайрене, Циндао, год за годом непрерывно строчащие шифровки в Центр! Представляете эту фантастическую картину?

Но... в армии так часто бывает: капитаны предполагают, а генералы располагают. Мы до сих пор можем только гадать о том, насколько предложение Свирчевского повлияло на дальнейшую схему развития русской разведки на Дальнем Востоке. Известно, что полностью оно принято не было – «в силу недостатка ассигнований и должной настойчивости со стороны штаба округа», но...

В уже упоминавшихся архивных материалах разведки Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи есть следующий документ: «Принимая во внимание острую нужду в русских людях, владеющих местными языками, и в особенности, японским, начальник Заамурского Округа (г. Харбин) по собственной инициативе выслал в конце 1906 года 8 русских мальчиков в Токио в православную миссию. Плата за обучение этих мальчиков так баснословно дешева, что отказаться от этой командировки положительно было невозможно, тем более что впредь таких выгодных условий не представится. Дешевизна объясняется тем особым усердием Архиепископа Японского высокопреосвященного Николая, прийти на помощь русским в деле ознакомления с Японией и японцами»²⁹. Этим же, в свою очередь, объясняется и удивительная настойчивость харбинского командования в попытках прислать в Токио все большее и большее число будущих шпионов, чему всеми силами и совершенно искренне противился глава миссии, ничего не знавший о «школе шпионов», но раздраженный «плохим подбором учеников» и отсутствием возможности их размещения в семинарии. Вот некоторые из этих записей (Приложение 3): «... Еще просьба принять ученика в Семинарию: Харбинский Генеральный консул ходатайствует за одного. Отбою нет. Совсем надоели. Тотчас же послал отказ с указанием, что здешняя Семинария имеет специальное назначение – готовит служителей для Японской Церкви и что большое количество русских учеников в ней может мешать исполнению этого назначения»; «Один из 15 учащихся здесь русских воспитанников, из которых 13 воспитываются на казенный счет, присланные сюда военными начальствами из Харбина и Хабаровска для образования из них переводчиков японского языка, – один из хабаровских, Иван Попов, сын чиновника, учившийся вот уже два с половиною года, всегда прилежно и ведущий себя исправно, вдруг на днях, без всякой посторонней причины, молвил: "Не хочу учиться, надоело жить в рамках" – и бросил все. Сколько ни уговаривали его все мы одуматься и оставить свою затею, – ничто не помогает. Точно как с боровом: стал и ни с места, что ни делай с ним. Приходится выключить его из Семинарии и отправить домой, отписав начальству о сем казусе и неудачном выборе учеников сюда, потому что другой, по болезни, тоже отправится; уже несколько недель лежит и не учится; головокружения, мол, у меня, не могу учиться»; «Уволил из Семинарии и отправил в Харбин одного из русских учеников Емельяна Родионова. Упорно не желает учиться и просится вон. Без должного выбора казачат понасылали»; «Написал в Харбин к Генералу Чичагову и во Владивосток к есаулу Ефимьеву, что учащиеся здесь русские из Харбина 8 и из Хабаровска 2 просят на каникулы и просят денег на дорогу, первые по 30 рублей, вторые по 20 рублей, как было в прошлом году. Похвалил их поведение и прилежание и просил исполнить их просьбу. Но умолчал, что успехи их в изучении японского языка – для чего и живут здесь – не блестящи: и способностями они не отличаются, и вечно болтают между собою по-русски, что значительно мешает усвоению японского языка», «... Жаль, что таких малоспособных присылает Харбинский военный штаб, если желает иметь хороших переводчиков; следовало бы выбрать таких, как вчера отвечавший Скажутин, из Хабаровска присланный»³⁰.

Но не только неоднородный состав присланных «казачат» и слабые материальные возможности мешали нормальной жизни Токийской семинарии.

Медийный скандал

История, произошедшая в Токийской православной миссии во второй половине 1908 года, вряд ли дошла бы до нас, не окажись она скандальной настолько, что для благополуч-

²⁹ Приложение 1.

³⁰ Указ. соч. С. 525, 624, 637, 656, 775.

ного ее разрешения потребовалось вмешательство самого архиепископа Николая Японского. Но и в этом случае полвека скрупулёзно записывавший в дневник все, что приключалось с ним на японской земле, владыка Николай, скорее всего, ограничился бы краткими заметками в своей тетради, если бы внутренний конфликт в семинарии не вылился в скандал в прессе.

Начиналось же все на той привычно печальной ноте, которая и сегодня звучит в сердцах интеллигентных людей, когда они оказываются вынуждены общаться с представителями масс-медиа. На исходе жаркого токийского лета 1908 года, 29 августа по старому стилю или 11 сентября по новому, в день Усекновения главы Иоанна Предтечи, в православную миссию на холме Суругадай к архиепископу Николаю Японскому поднялась незваная гостья. Впечатление от общения с ней у владыки сложилось сразу весьма определенное: «Была корреспондентка "Нового Времени" Марья Александровна Горячковская³¹; показал ей училища; особа очень живого воображения; перебегает с вопроса на вопрос, не выслушавши ответа ни на один»³².

Надежда, вероятно, жившая в душе архиепископа, на то, что «особа живого воображения» не потревожит более покой миссии и, в идеале, оставит свои наблюдения при себе, умерла через пять дней, когда во время беседы с протестантским священником «... вошла корреспондентка "Нового Времени", Марья Александровна Горячковская, приехавшая нарочно из Йокохамы, чтобы расспросить о Миссии... По женскому обычаю и, должно быть, по избытку воображения, она и сегодня не вела разговор правильно и не выслушивала ответов на мои вопросы, как должно, потому едва ли корреспонденция о Миссии, если она будет, будет сообщая верные сведения о деле Миссии здесь»³³.

Отец Николай еще не знал, насколько пророческой окажется эта его запись, но события развивались очень быстро. Нет сомнений в том, что, будь в те годы телевидение, Горячковская стала бы популярным в определенных кругах телерепортером какого-нибудь «желтого» канала: ее хватка и наглость и сегодня поражают воображение. 24 сентября архиепископ вновь вынужден был упомянуть ее в своих дневниковых записях: «Мадам Горячковская была, наговорила с три короба и в заключение попросила в долг; стал давать 50 ен, пристала – дай 75. Дал, но больше уже не дам; едва ли вернет; а я без того не только беден, но и в долгах. Говорила, что украли у нее 300 рублей русскими сторублевыми бумажками. Но потому, что она упорно не желает объявить о том, сомнительно, чтобы это случилось. Лгать ей, по-видимому, не учиться стать; мне говорила одно, Преосвященному Сергию (митрополит Сергей (Тихомиров), служивший в то время в Токио. – А. К.) совсем другое об одних и тех же предметах»³⁴.

С этого времени модель поведения, до боли напоминающая современное нам «мы сами люди не местные...», постоянно сопровождалась в тактике Горячковской попытками внести разлад в мирный уклад околомиссийской жизни в Токио. Очередной жертвой коварной репортерши стал профессор Д. М. Позднеев, близкий родственник отца Петра Булгакова – священника церкви в российском посольстве. Позднеев, будучи выходцем из семьи священнослужителей, был частым и желанным гостем в миссии, принимал участие в составлении программы для обучения японскому языку русских семинаристов, принимал у них экзамены и, как уже упоминалось, поддерживал тесные отношения с Николаем Японским. Неудивительно поэтому, что, когда через несколько дней профессор впустил в свой дом столичную журналистку, жаловаться он тоже пришел в миссию. «...М. А. Горячковская написала ужас-

³¹ Горячковская Мария Алексеевна (?) (псевдонимы Алексеева М., Г-ская) – журналистка, сотрудница газет «Свет», «Колокол», «Новое время», автор книг «Последний день кровавого царя», «Драматическая фантазия», «Антирусская агитация», «Японские оргии».

³² Дневники Святого Николая Японского. Т. V. СПб., 2004. С. 433.

³³ Там же. С. 435.

³⁴ Там же. С. 443.

ное письмо к нему (Позднееву – А. К.); ругает его самыми поносными названиями и корит за злонамеренность относительно ее; между тем Дмитрий Матвеевич говорит, что три дня тому назад она была у него, обедала и вела себя весьма любезно. Позднеев решительно не знает, чему приписать этот ее гнев и злобу; говорит, что вел себя относительно ее всегда корректно и никакого столкновения с ней не имел. Я помог ему уразуметь это письмо: страдает Горячковская манией преследования; потому вообразила в Дмитрие Матвеевиче литературного врага себе, ну и напала на него. Следует ему отнестись к ней только сострадательно»³⁵.

Одновременно владыка утешал саму разгорячившуюся журналистку: «Госпожа Горячковская, видимо, страдает манией преследования ее Д. М. Позднеевым, и о том, что он "низкий, подлый шпион" и прочее в этом роде, что я тотчас же ответил ей самыми успокоительными уверениями, что Позднеев с этого времени даже имени ее не будет произносить – до того не будет иметь никакого отношения к ней – значит, она может быть вполне спокойна; ему же написал, чтоб он действительно исполнил это, что нужно щадить ее как больную»³⁶.

Как это бывает порой у шизофреников, Горячковская бессознательно нащупала у профессора Д. М. Позднеева слабое место – в то время он действительно был самым высокооплачиваемым агентом российской военной разведки в Японии. Неудивительно, что его так травмировали и напугали ее рассказы о нем как о «подлом шпионе», но пока еще поистине христианское терпение слышно в словах успокоения главы православной миссии, обращенных к обеим сторонам разгорающегося скандала.

Как ни старался архиепископ не дать склоке выйти на поверхность, не в его силах было остановить раздухавшуюся гостью. Уже 7 октября Горячковская вновь посетила миссию, однако в этот раз прибыла не за спонсорской помощью: «... Была опять Горячковская; боялся, что денег попросит в долг, как на днях, но она попросила совсем другого: рекомендаций в Россию к разным лицам (даже к Премьеру Столыпину), чтоб ее оставили корреспонденткой в Японии – будет-де она очень полезна для укрепления дружбы России с Японией. Я даже вознегодовал от такой нелепой просьбы. Кто же меня послушает!

Ивану Акимовичу Сенума сказал, чтобы он не позволял обижать русских учеников в Семинарии. Неделikatно это, но и ему заметил, что японские ученики содержатся здесь на счет, между прочим, родителей тех же учеников, которых они обижают; пусть не являются лишенными чувства благодарности»³⁷.

Важный момент: из текста дневника неясно, стала ли Горячковская свидетелем разговора главы миссии с японским ректором семинарии Иваном Сэнума, или он состоялся после ее ухода. Скорее всего, разговаривали наставники тет-а-тет, но пронырливая девица от кого-то другого вполне могла услышать в тот день в семинарии что-то не предназначенное для ее ушей и сделать из этого свои выводы. Судя по тому, как разворачивались события в дальнейшем, полученная информация была воспринята ею как потенциальный компромат, и не случайно уже через неделю журналистка вновь поднялась на миссийский холм: «Утром, во время нашего занятия переводом, пришла М. А. Горячковская и пристала как банный лист – дать ей еще денег в долг – без отдачи конечно. Дал 15 ен и крепко-накрепко сказал, что больше ни копейки не дам – я сам в долгах, а миссийских дать не могу, да и Миссия очень бедна. Насилу ушла. И куда деньги идут у нее? Недавно только выморочила у меня 75 ен и в Посольстве 200. Могла бы скромнее тратить»³⁸.

После этого «пожертвования» Горячковская пропала надолго. Похоже, что архиепископ Николай и думать забыл о ней. Однако скоро выяснилось, что это была лишь отсрочка,

³⁵ Там же. С. 445.

³⁶ Там же. С. 450.

³⁷ Там же. С. 449.

³⁸ Там же. С. 451.

которую неудовлетворенная полученными суммами Горячковская использовала привычным ей образом.

3 декабря, в среду «утром Преосвященный Сергей принес показать пакет, полученный им от о. Петра Булгакова. В пакете оказалась вырезка из газеты "Россия" статейки, подписанной "Гатчинский отшельник"; в статейке, между прочим, выдержка из корреспонденции М. А. Горячковской, понося о. Петра: "К какому-то важному японцу приглашены были на банкет все члены Посольства, но с выразительным исключением из числа приглашенных о. Петра", что очевидная ложь, измышленная Горячковской, озлобившейся на о. Петра за то, что он не давал материала для ее корреспонденций из Токио. Еще в пакете два сердитые письма о. Петра, оба с надписью "весьма секретно": одно – к редактору "России" о Горячковской, другое – к Преосвященному Сергию, смешанного содержания; пишет, между прочим, что перестанет изучать японский язык, перестанет ходить в Семинарию учить русских мальчиков – стыдно-де являться в Миссию. Я посоветовал Преосвященному Сергию успокоить разобужденного о. Петра, и чтоб он, о. Петр, попросил в Посольстве в газету "Россия" послать несколько слов опровержения выдумки Горячковской»³⁹.

Архиепископ Николай, человек хотя и опытный, но добрый, в святой наивности своей еще думал, что обиженная петербурженка остановится в своей мести на мелких выдумках и очернении отдельных людей, что для опровержения ее «выдумок» будет достаточно нескольких строчек. Но Горячковская не зря столько времени не появлялась в Миссии – она писала и ждала результата своих трудов. И они не замедлили явиться.

8 декабря 1908 года, понедельник: «...Едва кончил это письмо, как с поспешностью входит Преосвященный Сергей, бывший с утра на экзамене в Семинарии по Евангелию, с двумя номерами газеты "Россия", полученными там же, в Семинарии, от Д. М. Позднеева, и взволнованный говорит:

– Нужно сейчас послать телеграмму в газету "Россия", что написанное Горячковской в ней о русских учениках в Семинарии – неправда.

– Что бы ни было там написано, но телеграммой опровергать статью не по средствам Миссии, – говорю я.

– Пусть будет телеграмма на мой счет.

– И вам тратиться не к чему. Оставьте газету; я прочитаю и посмотрю, что надо делать.

В 920-м номере, 20 ноября 1908, на первой странице статья, подписанная "М. Горячковская", под заглавием: "Русские мальчики в Православной Японской Миссии". В статье, действительно, ни слова правды; "мальчиков было 34, из них 23 исключены; японцы притесняют их. Японцы сносили Миссию только потому, что она доставляла им знатоков русского языка, но ныне встревожились тем, что она стала обучать русских японскому языку и прочее. Миссия дает каждому православному японцу в месяц от 8 до 10 ен; а так как в последнее время содержание Миссии из России уменьшили, то разом 5000 человек отпали от Православия". Словом, сплошная выдумка, поражающая изумлением. В следующем номере газеты, 21 ноября, Лев Александрович Тихомиров защитил Миссию, нашедши сообщения Горячковской невероятными или маловероятными, но в конце статьи сказал: "Для русской публики было бы желательно получить возможно более подробные данные о Токийском инциденте". Под "инцидентом", очевидно, понимает гонение на русских мальчиков; значит, и он отчасти верит гонению. Вызов доброго друга Миссии Льва Александровича и побудил меня написать опровержение выдумок Горячковской»⁴⁰.

В хранилище газет Российской государственной библиотеки, где, казалось бы, можно найти любой текст, когда-либо выходивший из-под печатного станка в нашей стране, «пора-

³⁹ Там же. С. 468–469.

⁴⁰ Там же. С. 471.

жающей изумлением» статьи Горячковской в газете «Россия» не нашлось. Как, впрочем, не обнаружилось и всего 920-го номера от 20 ноября. Но, как выяснилось позже, одновременно со статьей в «России» вышел очень похожий материал Горячковской в газете «Новое Время», на который, в свою очередь, в «Церковном вестнике» № 5 за 1909 год (с. 147–150) дал подробный ответ митрополит Сергей. По его статье, разысканной А. М. Горбылевым, мы и можем теперь проследить обвинения М. Горячковской в адрес миссии по пунктам, как это сделал сам митрополит:

А) «Приамурский губернатор командировал в Токио... 34 русских мальчика для прохождения полного курса православной семинарии на японском языке ("Россия")», – пишет Г-ская. 34 мальчика в «Новом Времени» она уже увеличила до 38...».

Б) «Когда были исключены в течение года до 28 мальчиков (из 34), приамурское генерал-губернаторство выразило недоумение («Россия»)...

В) «В семинарии Токио преподавание ведется по-японски, и русские дети, которым язык этот чужд, не могли, понятно, сравниться с японскими... И неужели же все были дурного поведения? («Новое Время»). Комментарий митрополита Сергея в этом месте несколько разнится с ответом архиепископа Николая Японского, который будет приведен ниже: «Русским мальчикам преподавание ведется на русском языке, и лишь Юркевич IV кл. идет теперь совместно с японскими мальчиками, а не в особом классе от них».

Г) «Появление русских мальчиков... было встречено с недоброжелательством... Дети стали подвергаться всевозможным преследованиям товарищей и притеснениям воспитателей («Россия»)». «Товарищи-ученики страшно над ними издевались» («Новое Время»).

Д) «Получив надлежащие инструкции, ректор семинарии Сэнума и его учителя стали исключать русских детей за дурное якобы поведение» («Россия»); «Японцы-учителя по свыше полученной инструкции стали исключать русских мальчиков, беспощадно их преследуя и затравливая» («Новое время»).

Е) «Положение оставшихся 6 мальчиков угнетенное» («Россия»); «Они поражают своим забитым, угнетенным видом. "На нас смотрят как на врагов и учителя, и товарищи-японцы. Мы боимсядохнуть, чтобы не придрались и не исключили", – сказали они мне» («Новое Время»).

Я специально не привожу здесь ответов митрополита Сергея, так как, по счастью, аккуратно подшит оказался номер 921-й с той самой статьей Л. А. Тихомирова «Русские воспитанники токийской семинарии», о которой упоминал владыка. Ее стоит привести почти полностью, чтобы понять уровень интереса в российском обществе того времени к проблемам обучения русских семинаристов в стране недавнего противника – в Японии. Особенно интересными с высот сегодняшнего дня и, как нам кажется после советской эпохи, своеобразного отношения к прессе выглядят рассуждения о бездумном патриотизме и способности учиться у соседей: «... Г-жа Мария Г-ская полна прекрасного чувства патриотизма, но всякое высоко напряженное чувство способно приводить к недостаточной беспристрастности... Для меня не подлежит никакому спору, что г-жа Мария Г-ская изумительно ошибается...

...С педагогической стороны присутствие русских учеников с первого же раза породило неудобство. Сам высокопреосвященный Николай сообщал мне тогда, что в семинарии жалуются на шаловливость русских мальчиков. Между тем в японском воспитании чрезвычайно ценится дисциплина и "благодетельство". Отсутствие этих качеств у русских нельзя назвать "испорченностью", но кому же неизвестно, что невыдержанность детей, их своенравие и непривычка к подчинению составляют у нас самое распространенное явление. Однако высокопреосвященный Николай сообщал мне, что воздействие японских товарищей скоро благотворно повлияло на русских воспитанников, и они вошли в принятые в семинарии рамки "благодетельства". Так было вначале, когда русских состояло 5–6 на 60 японских воспитанников. Засим число русских стало увеличиваться. Явились ученики из Харбина, явилась

и инициатива местного начальства для посылки туда будущих переводчиков. Хотя в этой мысли я не вижу ничего "гениального", но, конечно, она вполне разумна. И вот, как теперь сообщает г-жа Мария Г-ская, в токийской семинарии набралось 34 русских... но на какое число японцев? Она не говорит, но полагаю, что никак не более 60. Думается, что при таком соотношении чисел едва ли японцы могли оказывать на русских такое же дисциплинирующее влияние, как прежде.

Я не знаю, но считаю очень возможным, что японскому правительству, как говорит г-жа Г-ская, нисколько не улыбается научение русских японскому языку. Наше невежество в этом отношении было для японцев слишком выгодно в прошлую войну!

...Я видел, как японцы учатся русскому языку в России. Это изумительная настойчивость и практичность. Человек, с утра до ночи занятый трудом, сверхкомплектно налагает на себя обязанность ежедневно прочесть от доски до доски номер русской газеты, начиная с передовых и кончая всеми объявлениями... А мы сердимся, если сами японцы не жертвуют всеми своими интересами, чтобы обучить нас. Это ни к чему не приведет. Это – *непрактичное поведение*, которое может оттолкнуть от нас и тех, кто к нам расположен, и в меру сил (но не больше) хотел бы нам добра. Нечего и говорить, что мы должны учиться по-японски для сношений со страной, которой значение так предосудительно игнорировали раньше, за что и были столь жестоко наказаны. Но необходимость изучения японского языка для русских не дает права требовать, чтобы Токийская семинария забывала свои православные и педагогические интересы. Еще менее возможно было бы допустить опорочивание людей, которых все предыдущее поведение не обнаруживало в отношении России ничего, кроме сердечной доброжелательности. Это даже непрактично, невыгодно. И потому-то для русской публики было бы желательно получить возможно более подробные данные о токийском инциденте от знающих... без всякого "пристрастия" навеянного хотя бы и самыми прекрасными патристическими чувствами»⁴¹.

В чем был прав, а в чем ошибался Л. А. Тихомиров, архиепископ Николай Японский принялся разбираться сам уже на следующий день по получении газеты: «С документами под рукою писал правду о русских мальчиках в Семинарии для газеты "Россия"; опровергнул и другие неправды из статьи Горячковой»⁴². Однако прежде чем Николай Японский увидел свой труд в печати, 26 декабря, в Собор Пресвятой Богородицы, он получил письмо от... самого автора скандала: «Между письмами сегодня одно от Горячковой; пишет вздор и вранье и прилагает вырезку своей статьи из "Нового Времени", в которой тоже вранье»⁴³.

Поистине беспринципность этой женщины способна и сегодня вызвать изумление. Можно только удивляться долготерпению Николая Японского, спокойно ожидавшего появления в печати своего ответа. Это случилось уже в новом, 1909 году, 22 января: «Издатель газеты "Россия", Сергей Николаевич Сыромятников, прислал мне номер 953, от 31 декабря 1908 года, где помещено мое письмо в газету: "Русские воспитанники в Токийской Семинарии", в опровержение выдумок Горячковой. В любезном письме, кроме того, полученном сегодня, господин Сыромятников извещает, что за статью мою и обычный гонорар посылает 40 рублей 20 копеек и приглашает еще писать в его газету, что делать, к сожалению, мне некогда».

Еще через десять дней, 2 февраля 1909 года, в праздник Сретения Господня, очевидно совершенно успокоившийся и даже с некоторым юмором относившийся к увядающему медиаскандалу архиепископ Николай записал в своем дневнике: «К Литургии приехал посол (посол России в Японии Н. А. Малевский-Малевич. – А. К.) и потом был у меня; показал

⁴¹ Газета «Россия», № 921, 21 ноября 1908 г.

⁴² Дневники Святого Николая Японского. Т. V. СПб., 2004. С. 72.

⁴³ Там же. С. 480.

письмо к нему Генерал-губернатора Приамурской области Унтербергер, с пришпиленной вырезкой из газеты "Новое время", где госпожа Горячковская описывает жалкое положение (якобы) русских мальчиков в здешней Семинарии. Унтербергер спрашивает Николая Андреевича, правда ли это? Ко мне не хочет писать потому-де, что, по заявлению Горячковской в статье, для меня тягостна всякая речь об этом предмете. Я пробежал вырезку; в ней такая же ложь о мальчиках, что была в газете "Россия", а потому я передал Николаю Андреевичу и просил его передать Унтербергеру, для успокоения его, номер "России" с напечатанным в нем моим опровержением выдумок Горячковской»⁴⁴.

Почему архиепископ Николай Японский был так спокоен, отправляя через посла Николая Андреевича «успокоение» Унтербергеру? Потому что его статья, надо отметить, очень большая – на полную газетную полосу – стала не просто ответом не вполне вменяемой клеветнице, но и настолько полным и точным изложением шестилетней истории обучения русских подростков в Токийской православной семинарии, возразить на которое было нечего и некому. В этом рассказе есть все: причина появления первых русских мальчиков в стенах суругадайской миссии, условия их проживания и обучения, предметы, которые они там изучали, и даже стоимость нахождения их в Токио. Это очень подробный и довольно откровенный рассказ обо всем, что окружало молодых русских ребят в японской столице. В этой статье нет, пожалуй, только двух вещей. Во-первых, Николай Японский не мог ничего написать о реальном предназначении русских семинаристов – о работе в разведке, потому что, повторюсь, вряд ли что-то знал об этом. Во-вторых, архиепископ не захотел ничего написать о реальном конфликте, свидетелем которого, судя по всему, стала Горячковская, а конфликт был.

В начале октября 1908 года, писал архиепископ, «два русских ученика пришли, плача, жаловаться, что японские ученики их обижают, бьют. Призвал обидчиков: Манабе, дрянного грубого юношу, и Каминага, от которого не ожидал этого, и с гневом выговорил им, что "они живут в русском доме, едят русский хлеб, купаются в благодеяниях России и не являют ни малейшего чувства благодарности за все это, признаком чего служит их грубое обращение с русскими товарищами". Выразивши все это, что, кажется, в первый раз пришлось выразить в такой форме, прогнал их. Отвращение возбуждает эта неспособность японцев к благородным чувствам благодарности и подобного»⁴⁵.

Если об этой истории как-то узнала Горячковская, а она узнала – видимо, в день встречи владыки и ректора Сэнума, то в ее «необычайно живом» сознании она легко могла превратиться в грандиозную вражду между русскими и японцами в Токийской православной семинарии. Более того, архиепископу Николаю наверняка удалось бы предотвратить утечку информации о скандале из стен миссии, если бы не Горячковская. Ведь даже ей стало известно о противостоянии русских и японцев в какой-то весьма смутной форме – иначе она непременно привела бы в своей статье не только выдумки и фантазии, но и реальные факты. Однако они ей были неизвестны в деталях, – она поняла, что в семинарии происходит что-то экстраординарное, догадалась, что именно, но никак не могли подтвердить свою догадку. Николай Японский, в свою очередь, не мог позволить межнациональному конфликту между учениками стать достоянием гласности – это нанесло бы тяжелый удар по общему имиджу России в Японии, но, главное, имиджу Японской православной церкви. Глава церкви не просто опроверг информацию о скандале с помощью прессы, а сделал это так, что она выглядела совершенно бесконфликтной.

Едва успевшее разгореться пламя скандала было мастерски и обоснованно потушено наставником миссии, но последствия этого события, выразившиеся в написании сразу

⁴⁴ Там же. С. 492–493.

⁴⁵ Там же. С. 447.

нескольких статей в различных российских изданиях, обогатили нас бесценными сведениями о жизни и быте первых русских японоведов, получивших свои знания о Японии в стране изучения. «М-ль Горячковская» заслужила свое место в истории.

Учиться, учиться и учиться...

Численность и состав русских учеников Токийской православной семинарии в бытность главою миссии архиепископа Николая до сих пор остается одной из главных загадок – ни в одном из известных документов не содержится достаточно исчерпывающей информации на эту тему. Горячковская назвала общую численность на 1908 год: 34 человека. Но больше нигде такое количество семинаристов не упоминается, и в немногочисленных сохранившихся документах они не перечислены. Опубликованные С. И. Кузнецовым материалы японской печати дают нам имена первого десятка. Внимательное чтение дневников и статьи архиепископа Николая показывает, что порою в семинарии одновременно училось до 18 русских юношей (как в декабре 1910 года) и далеко не все они содержались за счет военного ведомства. Не все смогли выдержать напряженное в психологическом и интеллектуальном отношениях обучение в семинарии – свидетельство тому беспрецедентный процент (почти половина!) отчисленных по разным причинам (тут Горячковская была близка к истине). Сбрав воедино всю имеющуюся и очень разрозненную информацию, мы получаем сводную пофамильную таблицу полученных на известных нам русских учеников данных:

№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Даты жизни	Время обучения в семинарии
1.	Романовский Андрей	? -?	1902—1906
2.	Легасов Федор	? -?	1902—1906
3.	Айсбрер Александр	1891 (?) -?	1906—1908 (отчислен)
4.	Волков Александр	? -?	1906—1912
5.	Журавлев Гавриил Николаевич	1893 —?	1908 -?
6.	Зембатов Владимир	1889 (?) -?	1906—1908 (отчислен)
7.	Кузнецов Павел	? -?	? — 1910 (отчислен)
8.	Незнайко Исидор Яковлевич	13.05.1893—28.05.1968	1906—1912
9.	Ощепков Василий Сергеевич	25.12.1892—10.10.1937	1907—1913
10.	Панпурин Иван	1895 -?	1908 -?
11.	Перетолчин Петр	1895 -?	1908 -?
12.	Плешаков (Персяков?) Владимир Дмитриевич	1892—14 (10-?).10.1937	1906—1912
13.	Плешаков Александр (младший)	1894 -?	1908 -?
14.	Попилев (Попелев) Трофим	1892 (?) -?	1906—1912
15.	Попов Иван	? -?	1907—1910 (отчислен)
16.	Родионов Емельян	? -?	1906—1910 (отчислен)
17.	Сазонов Степан (Стефан) Петрович	1896 (1894?) — 1946	1912—1917
18.	Скажутин П.С.	? -?	? -?

№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Даты жизни	Время обучения в семинарии
19.	Сокольский Михаил	? -?	1906—1911 (отчислен)
20.	Шишлов Иосиф	1892 (?) -?	1906—1908 (отчислен)
21.	Хлебцевич Стефан Адамович	1893 -?	? — 1909 (отчислен)
22.	Юркевич Трофим Степанович	1891—10.07.1938	1906 -1910
23.	Юркевич Федор (?) Степанович	1893 (?) -?	1906—1907 (отчислен)

Как видно из нее, русские семинаристы, будучи примерно ровесниками, имели разные судьбы – об одних не известно практически ничего, нет даже года рождения и время обучения в семинарии проставлено лишь условно, о других мы знаем относительно немало. По-прежнему основным источником информации о них, после гибели во время Кантоского землетрясения 1 сентября 1923 года миссийского архива, остаются дневники святителя Николая. И снова, разбирая их, сложно отделаться от ощущения, что после возвращения на родину Легасова и Романовского архиепископ не испытывал к русским ученикам особой любви, был к ним, что называется, «строг, но справедлив». Причин такого сдержанно-сурового отношения было несколько. Во-первых, как мы знаем, владыка Николай всеми силами отбивался от попыток военного командования навязать ему еще учеников, снова и снова подчеркивая, что главная задача семинарии заключается совсем в том, чтобы «... готовить служителей для Японской Церкви». Это не значит, что он был противником подготовки русских переводчиков в Японии вообще. Наоборот, «архиепископ сильно желал развития дела толмаческой школы в Токио, но он признавал для этого необходимым дать ей несколько другую постановку, а именно выделить ее в особое учреждение, усилить в ней преподавание русского языка и русских предметов и ввести для учащихся особую систему командировок, по которой дети, по усвоении японского языка и письменности настолько, чтобы учиться вместе с японцами, отсылались бы, каждый в отдельности, из Токио в японские школы в провинцию на год или на два, где они усовершенствовались бы в языке, не видя ни одного русского и не слыша за это время ни одного русского звука. Для этого, конечно, он считал необходимым особое соглашение с японским правительством», – вспоминал Д. М. Позднеев⁴⁶.

Во-вторых, часть отчисленных покинула Токио за поведение, не совместимое со статусом ученика православной семинарии, и владыка Николай осознавал, что каждый такой случай – удар по престижу Русской церкви в целом. Вот две характерные записи: «Ректор Семинарии И. А. Сенума и два главных наставника, кандидаты, Арсений Ивасава и Марк Сайкайси, пришли коллективно просить удалить из Семинарии двух русских учеников из Харбина: Иосифа Шишлова и Александра Айсбренера – за слишком дурное поведение: начинают ходить по непотребным домам. Все японские ученики возмущены этим и собираются все ко мне прийти требовать исключения их, если я не послушаюсь ректора и наставников. Нечего делать! Шишлов и Айсбронер отосланы в Йокохаму к военному агенту Владимиру Константиновичу Самойлову, полковнику, для препровождения их в Харбин. Генералу Чичагову я написал, впрочем, что назначение, с которым присланы сюда эти ученики, наполовину исполнено: они могут служить толмачами для устных переводов с японцами»⁴⁷ и: «Русских учеников ныне в Семинарии 13; и все ведут себя добропорядочно и учатся хорошо, кроме одного, Михаила Сокольского, с которым нет средств сладить: ничего не делает и постоянно нарушает школьные правила; а назначат наказание – не обращает на это внима-

⁴⁶ Указ. соч. С. 114–115.

⁴⁷ Запись от 15/28 января 1908. Вторник // Дневники Святого Николая Японского. Т. V. СПб., 2004. С. 351.

ния; сколько не уговаривай – к стенке горох; над всем смеется, в глаза лжет; называет школу адом, клянет своего дядю, ротмистра, который четыре года назад определил его сюда. Как ни жаль его и его матери и бабки, но, кажется, придется послушать Ивана Акимовича Сенума, который больше всех терпит от него, и отослать его в Харбин»⁴⁸. Подобным же образом (за непослушание, нежелание учиться или нарушение правил семинарии) были отчислены Емельян Родионов, Владимир Зембатов («родом кавказец, лет 20 детина, исключенный из Семинарии за то, что не подчиняется дисциплине ее»⁴⁹), Иван Попов, Павел Кузнецов. Младший из братьев Юркевич – Федор – оставил семинарию «по неспособности к обучению». Все уволенные семинаристы получили проездные документы и деньги на дорогу – до города, откуда они прибыли когда-то на учебу, и должны были отправиться на родину под контролем представителей военного ведомства (Федора Юркевича забрал домой приехавший за ним с Сахалина отец, и его дальнейшая судьба неизвестна)⁵⁰.

В то же время Д. М. Позднеев отмечал, что «судьба этих мальчиков всегда сильно озабочивала архиепископа. Он чувствовал, что в миссии слишком много прямого дела для того, чтобы уделять силы делу стороннему, но признавая, что такая система командировки детей в страну является наилучшею для подготовки русских толмачей, он мирился с неудобствами и продолжал работать. Его глубоко возмущали статьи дальневосточной прессы, настаивавшие на бесполезности командировок таких мальчиков в Токио только потому, что некоторые из них, оказавшись непригодными для изучения японского языка, были отправлены архиепископом обратно на родину. "Удивительно мало у нас системы и выдержки, – говорил он по этому поводу. – У русских в крови какой-то анархизм, непременно все ломать и разрушать до основания... Вот теперь с этой школой: только что налаживается дело, только что ребята начинают переходить на настоящую работу, учатся вместе с японцами, ходят в японские классы, начинают привыкать к японской скорописи, только что дело налаживается, сейчас уж и закрывать. И опять останемся как старуха в сказке: будем сидеть пред своей избушкой с разбитым корытом»⁵¹.

В-третьих, и эта претензия встречается чаще всего, глава миссии был недоволен успехами русских юношей в изучении японского языка и снова винил в этом приславшее их в Токио командование: «... В 8 часов мы с Преосвященным Сергием пошли в Семинарию на экзамен... Экзаменовались 13 учеников русских по японскому языку, причем был Дмитрий Матвеевич Позднеев и о. Петр Булгаков; первый интересовался успехами их по поводу готовимой им брошюры о необходимости знакомства с японским языком у русских; успехи оказались плохими – подбор учеников совсем плохой. Военное начальство в Харбине и Хабаровске хочет приобрести переводчиков, даже и тратится на это, а чтобы прислать способных учеников – не подумало об этом»⁵².

Несмотря на то что подобные пассажи попадают в дневниках еще не раз, именно этот фрагмент интересен обилием важных дополнительных сведений. Упоминается точное количество учеников на тот момент: 13 человек. На экзаменах присутствовали два особенно частых гостя семинарии: крупнейший востоковед того времени, будущий ректор Восточного института во Владивостоке и сам выпускник духовной академии Д. М. Позднеев⁵³ и его родственник, помогавший в подготовке уже японских разведчиков⁵⁴, священник посольской

⁴⁸ Запись от 10/23 марта 1911. Четверг // Дневники Святого Николая Японского. Т. V. СПб., 2004. С. 744.

⁴⁹ Там же. С. 403.

⁵⁰ Россия. 1908. 31 декабря. № 953.

⁵¹ Указ. соч. С. 114–115.

⁵² Запись от 16/28 июня 1908 г. // Дневники Святого Николая Японского. Т. V. СПб., 2004. С. 400.

⁵³ Шулатов Я. Л. Разведка и японоведы: становление осведомительной службы... // История и культура традиционной Японии. М., 2010. С. 319.

⁵⁴ Баконина С. Н. Харбинская епархия в период распространения советского влияния в Китае (1923–1924 гг.) // Вестник

церкви в Токио протоиерей Петр Булгаков (родной дядя знаменитого писателя). Под «брошюрой», возможно, имеется в виду «Грамматика разговорного японского языка», вышедшая в 1911 году. Наконец, несколько позже упоминается, что в тот день к проверяющим присоединились семеро японцев – учителей семинарии. Набор этих малозначительных на первый взгляд данных позволяет датировать одну из самых известных фотографий учеников семинарии, на которой запечатлены 49 человек, в том числе архиепископ Николай Японский, митрополит Сергей (Тихомиров), протоиерей Петр Булгаков, Д. М. Позднеев, ректор семинарии И. А. Сэнума, японские преподаватели, семинаристы-японцы и те самые 13 русских слушателей. Двоих из русских учеников мы знаем в лицо: Исидор Незнайко легко опознается по другим сохранившимся фотографиям очень хорошего качества, а для установления личности Василия Ощепкова специалистами Министерства обороны РФ была проведена судебно-медицинская портретная экспертиза. Еще двое – Владимир Плешаков и Трофим Юркевич – пока находятся, что называется, под вопросом (есть их предрасстрельные фото из следственных дел НКВД, но опознать по ним жизнерадостных подростков очень непросто). И даже суровым лицам русских наставников на этом фото теперь можно дать объяснение: ученики отвечали плохо, да к тому же весь день шел дождь.

Впрочем, архиепископ не раз упоминает и об успехах русских ребят (особенно почему-то по японской географии), в том числе в присутствии высоких гостей⁵⁵. О некоторых же учениках мы вообще сегодня знаем только благодаря тому, что когда-то их ответы на экзаменах поразили святителя Николая: «Был на экзамене в Семинарии в младшем классе, где 24 учащихся, по Священной Истории Ветхого Завета. Отвечали хорошо. Из русских младшие 5 учились с ними; отвечали плоховато, кроме младшего Плешакова»⁵⁶ или: «Утром экзаменовал 2-й класс Семинарии, 12 человек, по Священной Истории; все отвечали хорошо. Экзаменовались с ними и двое русских, из которых Скажутин так хорошо и таким правильным языком отвечал по-японски, что если не смотреть на него, а только слушать – не узнаешь, что говорит не японец»⁵⁷.

Таким образом, вопрос об уровне японского языка у русских семинаристов остается до конца невыясненным. Да, налицо недовольство архиепископа Николая. Но не является ли оно следствием изначально завышенных требований этого выдающегося человека, самого блестяще владевшего языком? Вспомним еще одну известную запись из его дневника: «... успехи их в изучении японского языка – для чего и живут здесь – не блестящи: и способностями они не отличаются, и вечно болтают между собою по-русски, что значительно мешает усвоению японского языка»⁵⁸. С одной стороны, претензия вроде бы обоснована, а с другой – можно ли представить сегодня студентов, например, Института стран Азии и Африки при МГУ, разговаривающих между собой исключительно по-японски? Да и сам владыка Николай отмечал, что, например, упоминавшиеся здесь Айсбререр и Шишлов, отчисленные на втором году обучения, «могут служить толмачами для устных переводов с японцами». Это ли не свидетельство высокого уровня интенсивности обучения в семинарии и соответствующего владения японским языком ее выпускниками? О своеобразии оценок архиепископа косвенно свидетельствует следующий факт. В 1909 году Токио посетил А. Н. Вентцель (Венцель) – товарищ (заместитель) председателя правления КВЖД и остался вполне удовлетворен уровнем японского языка у русских семинаристов: «... Дети эти живут и учатся среди

ПСТГУ. История Русской Православной Церкви. 2008. Вып. 2–4(29). С. 92

⁵⁵ Запись от 15 июня/2 июля 1910 г. // Дневники Святого Николая Японского. Т. V. СПб., 2004. С. 664.

⁵⁶ Там же. Запись от 8/21 декабря 1910 г. С. 714. Личность «младшего Плешакова» остается загадкой. Никаких других упоминаний об этом человеке нет, а в следственном деле Владимира Плешакова по состоянию на 1937 г. младшие братья у него не значатся.

⁵⁷ Там же. Запись от 15/28 июня 1911 г. С. 774.

⁵⁸ Там же. Запись от 21 мая/3 июня 1911 г. С. 664.

японских мальчиков, что способствует более быстрому усвоению ими на практике изучаемого языка. Преосвященный Николай очень доволен успехами юных замурцев и ожидает, что из них со временем выработаются весьма полезные для службы на Дальнем Востоке работники»⁵⁹.

Сохранилась нелестная характеристика уровня владения языком, данная авторитетным, известным, но в том числе и своим дурным характером, японоведом профессором Е. Г. Спальвиным: «Меньше всего владеют японским языком воспитанники духовной семинарии архиеп. Николая, но, как бы то ни было, этими людьми положено очень много труда на передачу русских литературных произведений...»⁶⁰. Но тут не вполне ясно по тексту, о ком вообще идет речь: о выпускниках-японцах, ибо это именно они переводили на японский язык русских писателей, или все-таки о русских, так как понятно, что японцы-то японским языком владели. К тому же в высказывании Спальвина возможна не только некоторая нелогичность, но и, весьма вероятно, предвзятость. Не надо забывать и о дате отзыва: характеристика дана в 1926 году, когда любой положительный отзыв о «попах» мог автоматически перевести эксперта в стан «врагов трудового народа», а Спальвин тогда только что прибыл в Японию с официальной миссией и дорожил своим местом.

Любопытно, что, по воспоминаниям внука одного из семинаристов – В. В. Незнайко, его дед с некоторым пренебрежением отзывался о языковых способностях своих однокашников, особенно тех, кто содержался «не на казенный кошт», а на средства родителей или опекунов (таких было 2–3 человека). Но (у нас есть такая возможность) давайте сравним выпускные ведомости Исидора Незнайко и поначалу обучавшегося на средства опекуна Василия Ощепкова.

Незнайко окончил семинарию в 1912 году и получил в награду за успехи открытку с видом православной миссии и фотокарточку архиепископа Сергия (ставшего главой миссии после скончавшегося 16 февраля 1912 года святителя Николая) с дарственной надписью. Из 19 сдаваемых Незнайко предметов 7 относились к японской филологии (хотя и остальные изучались и сдавались на японском языке): «Чтение японских газет», «Японская грамматика», «Японский эпистолярный стиль», «Китайская письменность», «Японская письменная работа», «Японская словесность» и «Японская хрестоматия». По всем этим предметам он получил оценки «очень хорошо» и «хорошо».

Год спустя Ощепков сдавал другие выпускные экзамены, но в его программе было уже 8 предметов из области японской словесности: «Японская грамматика», «Японская хрестоматия», «Японское чистописание», «Японское сочинение», «Теория японской словесности», «Чтение японских писем», «Перевод японских газет» и «Китайская письменность». По трем из этих предметов Ощепков получил оценки «отлично хорошо» (5), а по остальным «Очень хорошо» (4). И в 1912, и в 1913 годах экзамены принимал митрополит Сергей, о котором сам архиепископ Николай писал: «Экзаменует отлично – строже, чем я»⁶¹. Так что в данном случае речь, скорее, может идти о каких-то личных отношениях, о приязни и неприязни, а не об объективной оценке владения языком, тем более что нам неизвестно, кого именно из «частников» имел в виду И. Незнайко. Например, с тем же Ощепковым у него сложились очень неплохие отношения. Судя по всему, оба они – и Ощепков, и Незнайко – были в числе отличников, а Ощепков (единственный из второго набора семинаристов) удостоился многократного упоминания владыкой Николаем в его дневниках, да и в газете «Россия» преосвященный вспоминает об ученике с нескрываемой гордостью.

⁵⁹ Цит. по Хохлов А. Н. Роль Токийской православной семинарии в подготовке переводчиков-японистов. // Православие на Дальнем Востоке. Выпуск 2. СПб., 1996. С. 71.

⁶⁰ Там же. С. 64.

⁶¹ Запись от 18 июня/1 июля 1909 г. // Дневники Святого Николая Японского. TV. СПб., 2004. С. 539.

Помимо общеобразовательных программ и групп предметов, относящихся к Закону Божьему, русские семинаристы занимались и специальной физической подготовкой в виде, предусмотренном в то время японским министерством просвещения, то есть дзюдо. Любопытно в связи с этим упоминание об одном из случайных, казалось бы, визитов в семинарию: «Путешествующий Генерал-майор Генерального штаба Данилов был с военным агентом Генерал-майором Самойловым. Хотели посмотреть школы наши; показал Женскую школу и Семинарию, в которой ученики показали ему борьбу "дзюдзюцу"; время было после классов: больше видеть было нечего»⁶². Думается, высокопоставленному «путешественнику» было весьма интересно взглянуть на умение семинаристов бороться, а информацию об их успехах в деле изучения японского языка он сполна получил у своего военного агента. Дело в том, что приезжий из Петербурга имел самое непосредственное отношение к обучению русских учеников: Ю. Н. Данилов, по прозвищу Данилов Черный (в одно время с ним в императорской армии были еще Данилов Рыжий и Данилов Белый), был не просто генералом, а генерал-квартирмейстером Главного управления Генерального штаба, проще говоря, шефом русской военной разведки. Нет сомнений, что внимание офицеров отечественных спецслужб, посещавших время от времени семинарию под различными благовидными предлогами, было сконцентрировано не на всех, а лишь на некоторых подростках (специальный отбор предусматривал и план Свирчевского), и их дальнейшая история подтверждает это предположение. Когда готовилась эта книга, один из ветеранов нашей военной разведки под большим секретом (!) рассказал автору, что один бывший семинарист «даже стал потом резидентом в Японии». Увы, ветеран не читал многочисленной литературы на эту тему и не знал, что имя этого резидента давно не является тайной: это был Василий Сергеевич Ощепков. Приходится признать в то же время, что, к сожалению, более-менее полные биографические данные есть лишь по отдельным семинаристам; а из их числа выделяются, в свою очередь, все те же двое наших знакомых: Василий Ощепков и Исидор Незнайко. Кое-что известно о жизни Владимира Плешакова и Трофима Юркевича. Есть несколько упоминаний о послесеминарской жизни Степана Сазонова и Николая Журавлева. Информация же о судьбах прочих семинаристов все еще хранится в различных архивах от Санкт-Петербурга до Владивостока, Сахалина и Токио и ждет своих исследователей. Но начну я с тех, о ком известно больше всего.

⁶² Там же. Запись от 23 сентября/6 октября 1910 г. С. 691–692.

Глава 2. Василий Ощепков: от креста до креста

*После моей смерти не ищите меня в земле, а ищите в сердцах
просвещённых людей.*

Руны

История основателя самбо, единственного известного относительно широкому кругу людей бывшего семинариста Василия Сергеевича Ощепкова с каждым годом становится все популярнее. Свидетельства прогресса налицо: пишутся книги, снимаются фильмы, ставятся спектакли. В художественных произведениях возник новый герой – искусный разведчик и покоритель женских сердец Василий Сергеевич... Щепкин. Кстати, сама по себе фамилия нашего настоящего героя Ощепков встречается довольно часто в определенных регионах России, и изучение биографии ученика Николая Японского лучше начать с этого факта.

Уралец или украинец?

Известно, что фамилию свою Василий получил от матери – ссыльнокаторжной Александровской тюрьмы на Сахалине Марии Семеновны Ощепковой (1851–1904). Но о ней самой мы знаем не слишком много. В опубликованных ныне документах архива Пермского края, откуда родом была Мария Семеновна, можно найти данные только о двух людях, более или менее подходящих нашим условиям. Дело в том, что во всех современных публикациях указывается, что мать Василия Ощепкова родилась в 1850 году, но документы о женщине именно такого возраста не обнаружены. Зато в базе данных упоминаются сразу две Марии Семеновны Ощепковы 1848 года рождения: 29 марта, из деревни Аксеновка, дочь солдатки (Ф. 37. Оп. 2. Д. 114), и родившаяся 2 марта – из деревни Воробьи, дочь крестьянина Симеона Никифоровича и Анны Матвеевны. В метрической книге за 1866 год есть запись о бракосочетании 31 октября православной крестьянки из деревни Воробьи Ощепковой Марии Семеновны, 18 лет, то есть 1848 года рождения, дочери уже умершего к тому времени крестьянина Ощепкова Семена Никифоровича, с крестьянином из деревни Даньково Ощепковым Петром Герасимовичем⁶³. Следы первой Марии Семеновны при этом теряются...

Тут надо отметить, что Ощепковых в архивных материалах Пермского края очень много. Есть даже деревня Ощепково. Складывается впечатление, что Ощепковы – вообще одна из самых распространенных фамилий в Предуралье, но, что интересно, в старые времена больше нигде эта фамилия не встречалась. Так что даже сегодня, если вы встретите в своей жизни человека по фамилии Ощепков, можно быть уверенным, что кто-то из его предков происходит из пермских краев. Почему?

Исследователи считают, что само слово «ощепок» происходит из местных – вятских, уральских – наречий. Здесь так называли поленья, от которых щипали лучины, большие щепки. Возможно, когда-то такое прозвище дали местному промысловнику, продававшему, например, такие ошепки. А может быть, какому-то не очень порядочному человеку – «отщепенцу», от которого и пошли многочисленные потомки, многие столетия остававшиеся преимущественно в крестьянском сословии предуральских губерний. Впервые же фамилия Ощепков упоминается в тех местах в начале XVII века, когда в документах возникают «Ивашко Ощепков. Крестьянин сольвычегодский, 1629» и «Ивашка Мартемьянов сын Ощепков, 1623». На Средний Урал Ощепковы попали, видимо, примерно в то же время: сохранились записи о ямщике Афанасии Ощепкове из Верхотурской слободы, о деревне

⁶³ Электронная база данных «Поколения Пермского края», <http://www.pokolenia-permkray.ru>

ямщиков Ощепковых на реке Тагиле, об Ощепковой слободе на реке Нице («... да новая слобода, что строит слободчик Пятко Ощепков»). Если верить легенде, раскольниками братьями Ощепковыми была основана Пышминская, Совина и Тупицынская слободы. К началу XVIII века Ощепковы упоминаются в различных списках и метриках все чаще, а еще через столетие становятся одной из самых распространенных фамилий Камско-Уральского региона⁶⁴.

Среди носителей столь массовой фамилии всегда было много разных людей: плохих и хороших, честных и жуликов, талантливых и оставшихся навсегда неизвестными. Первым прославил род ученый, профессор, основатель советской школы радиолокации Павел Кондратьевич Ощепков (1908–1992). Родился он в Сарапульском уезде Вятской губернии, в 10 лет стал сиротой, но сумел окончить сначала школу, а потом и техникум в Перми. В 1931 году он стал выпускником Московского энергетического института и связал всю свою жизнь с радиолокацией. В 1937 и 1941 годах дважды арестовывался по ложным обвинениям, но сумел выжить, работал в «шарашке», создавая необходимые армии средства технического контроля за противником. Основал Институт интроскопии, руководил целым рядом лабораторий и научных центров, в которых создавались передовые военные технологии, но реабилитации дождался только в 1992 году – за две недели до смерти. На его надгробии высечены слова: «Отцу радиолокации, интроскопии, энергоинверсии». Но он хотя бы дождался оправдания... Судьба его однофамильца была куда печальнее.

До сих пор единственным для нас источником знаний о матери Василия – Марии Ощепковой оставались строки, посвященные ей М. Н. Лукашевым в книге «Сотворение самбо...»⁶⁵ (все остальные публикации о ней были фантазиями на тему изложенного в этом произведении). Исполненный искренней симпатии к своему герою, автор книги часть этого доброжелательного чувства перенес и на его мать. В тексте она предстает «несчастной крестьянкой», воспитавшей сына «в духе добрых старых русских крестьянских традиций», «которая ни в коем случае не могла иметь отношения к преступному миру, а попала в тюрьму, скорее всего, из-за своей вдовьей нищеты, да еще имея на руках своего первого ребенка». Причины, по которым попала Мария Ощепкова на страшную сахалинскую каторгу, М. Н. Лукашев представляет в том же духе: «Что же касается Марии Семеновны Ощепковой, происходившей из Воробьевской волости, Оханского уезда, Пермской губернии, то, вероятно, бедствуя в своей вдовьей доле, она совершила какое-то преступление. Была осуждена Екатеринбургским судом и отбывать наказание отправлена "на заводы". Но то ли слишком болела у нее душа об оставшейся в деревне дочери Агафье, то ли невыносимо тяжким оказался для сельской жительницы непривычный фабричный труд в насквозь продымленном, угарном заводском воздухе, но смелая женщина совершила побег. Только вот неважным конспиратором оказалась эта бесхитростная крестьянская душа. Ее, конечно, выследили и снова арестовали. Уж теперь-то судебские чины увидели в несчастной крестьянке "самого опасного и изощренного преступника" и определили ей тяжелейшее и мучительное наказание: восемнадцать лет каторжных работ и шестьдесят плетей. Трудно понять, как она выдержала эту зверскую экзекуцию, которая отправляла на тот свет даже здоровенных мужиков...» Если вспомнить о голоде, охватившем в том числе и Предуралье в 1891 году, то такая версия выглядит вполне правдоподобно: чтобы не умереть с голоду, не дать пропасть детям, крестьянка Мария Ощепкова решилась преступить закон.

Вполне возможно, что примерно так оно все и было, но все же некоторые моменты здесь внушают сомнение, а потому обратимся к тем же архивным материалам, что использовал М. Н. Лукашев. В архивном фонде № 1133 Российского государственного исторического

⁶⁴ Подробно о происхождении фамилии Ощепков см. Корнева Оксана // <http://www.okorneva.ru/proishojdenie-familiy-kamyishlovskogo-uezda-slovar-uralskih-familiy/oschepkov/>.

⁶⁵ Указ. соч. С. 7–10.

архива Дальнего Востока (РГВИА ДВ) сохранился статейный список Ощепковой М. С., в котором указаны дата и место осуждения, вынесенный приговор, приметы («Рост 2 аршина 6 вершков (1,69 м. – А. К.), лицо чистое, широкое, глаза карие, волосы на голове и бровях русые, лоб крутой, нос длинный, рот большой, подбородок круглый, зубы все»), вероисповедание (православная), семейное положение («вдова после первого брака»), профессия («мастерства не знала»).

Самое интересное тут, помимо описания внешности, очень подходящей и для ее будущего сына, информация о совершенном преступлении. Впервые осуждена она была еще 31 марта 1884 года за неуказанное в документах преступление, совершенное ею аж в сентябре 1883 года, и приговорена оказалась «к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на заводах на семнадцать с половиною лет». В соответствии с действовавшим тогда «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года очень небольшое количество человеческих проступков могло повлечь за собой такую страшную кару, которую получила Мария Ощепкова. Собственно говоря, учитывая невозможность представить себе участие пермской крестьянки в антиправительственном заговоре и терроре, нам остается только поверить, что речь могла идти об убийстве с отягчающими обстоятельствами.

Не оказался «невыносимо тяжким для сельской жительницы непривычный фабричный труд в насквозь продымленном, угарном заводском воздухе» по той простой причине, что Мария на заводы не попала – она бежала «по пути следования на каторжные работы» в феврале 1886 года (где она провела почти два года после приговора, неизвестно) и, что совсем уж не похоже на прямолинейную крестьянку, у которой «слишком болела... душа об оставшейся в деревне дочери Агафье», отправилась не домой, а в бег. Успешно скрывавшаяся от правосудия в течение двадцати месяцев (еще почти два года!) Мария Ощепкова была задержана только в сентябре в 1887 года в г. Камышлове Пермской губернии. 20 июля 1889 года она получила свой второй срок – еще 15 лет каторги (всего 32,5 года) и 60 плетей. Приговор, не очень вяжущийся с образом добросердечной, патриархальной русской крестьянки, и, уж конечно, речь не может идти о «политкаторжанке» Ощепковой, как ее пытаются представить некоторые журналисты.

В 1890 году Ощепкова была отправлена на Сахалин из Одессы пароходом Добровольного флота. Следуя «без оков», Мария Семеновна в трюме коммерческого парохода проследовала через южные моря, Индийский океан на Сахалин, мимо Африки и Аравии в «столицу каторги» – поселок Александровский пост, куда прибыла не позже 23 октября 1890 года – именно в этот день врач засвидетельствовал получение ею тридцати из назначенных шестидесяти ударов плетью. За 10 дней до этого Антон Павлович Чехов навсегда покинул Сахалин, закончив первую в его истории перепись населения. Увы, предположение М. Н. Лукашева о том, что «фамилии Ощепковой и Плисака вместе с, как теперь говорят, анкетными данными можно прочесть в статистических карточках Всероссийской переписи населения 1890 года, собственноручно заполненных А. П. Чеховым», безосновательно. Чехов уезжал с южной части острова и совсем немного разминувшись с матерью нашего героя, иначе она бы обязательно попала в его картотеку, которую он так кропотливо составлял на острове более двух месяцев.

Мария Ощепкова осталась на Сахалине навсегда. В некоторых публикациях приводится цитата из «архивного фонда церкви о. Сахалин» о том, что «Ощепкова Мария умерла в селении Рыковском 24.04.1904 в возрасте 54 года. Причиной смерти явилось заболевание – рак почек и туберкулез пузыря. Погребение совершил священник Александр Винокуров 27.04.1904 на Рыковском сельском кладбище». До этого Мария Семеновна успела получить освобождение от каторжных работ с 1 марта 1901 года и узнать осенью 1898 года, что ее дочь Агафья отказалась следовать за матерью в ссылку, но главное – успела выйти замуж и родить сына.

Гражданским, как сейчас принято говорить, мужем Ощепковой стал «причисленный в крестьяне»⁶⁶ столяр Сергей Захарович Плисак, скончавшийся в 1902 году. Практически ничего больше мы об этом человеке не знаем, в том числе не знаем причин, которые привели его на каторжный остров. Можно предположить, что оказался он там тоже позже середины октября 1890 года, иначе попал бы в списки А. П. Чехова. И еще: сохранились документы, подтверждающие, что до февраля 1912 года опекуном Васи Ощепкова, оставшегося в двенадцатилетнем возрасте круглым сиротой, являлся некий Емельян Евдокимович Владыко. Некоторые авторы прямо именуют его дядей Василия. Откуда у них информация о родстве, никто мне объяснить не смог, но версия эта любопытна, и вот почему. В сахалинской карто- теке Чехова Емельян Владыко тоже не значится – значит, и прибыл позже, зато он попал в «Книгу памяти Сахалинской области», где проходит в числе репрессированных при Советской власти: «Владыко Емельян Евдокимович, р. 1876 в Киевской губ. Проживал в Александровске-Сахалинском. Кладовщик геолого-разведочной партии. Арестован 1.12.1931. Осужден 16.04.1932 к лишению права проживания в Дальневосточном крае и Западно-Сибирском крае сроком на 3 г. Реабилитирован 19.07.1989»⁶⁷. Владыко родился в Киевской губернии, а несложный интернет-анализ плотности расселения людей с фамилией Плисак показывает, что больше всего их живет на территории современной Киевской области Украины или недалеко от нее. Не исключено, что Сергей Плисак и Емельян Владыко действительно были если не родственниками, то, во всяком случае, земляками, возможно, попали на остров вместе, одновременно, и их связывали какие-то крепкие узы, заставившие Владыко стать опекуном Василия Ощепкова после смерти его родителей. Причем опекуном он был не единственным: Николай Японский в уже известной нам статье о воспитании русских учеников в Токийской духовной семинарии так описывает историю появления в ней Василия Ощепкова: «1907 г. 1 сентября явился в миссию мальчик Василий Ощепков, сын сосланной на Сахалин, ныне круглый сирота, с письмом от своего опекуна, учителя новомихайловского училища в Александровском посту на Сахалине, потомств. почетного гражданина В. П. Кострова и просьбою о принятии в семинарию. Принят»⁶⁸.

Е. Е. Владыко и В. П. Костров – не единственные важные сахалинские персоны, на первый взгляд, до странности много внимания уделявшие воспитанию сына строптивой каторжанки и столяра-кустаря. Почему?

Под первым крестом

Василий Сергеевич Ощепков родился 25 декабря 1892 года по старому стилю или 7 января 1893 года – по новому в поселке Александровский пост (ныне город Александровск) на северо-западе Сахалина. Поселок этот в ту пору представлял собой каторжную тюрьму, вокруг которой выросла, выражаясь современным языком, сопутствующая инфраструктура – дома и казармы ссыльнопоселенцев, охраны, мастерские, бани, почтовая станция, церковь. В книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» немалое место отведено условиям жизни, в которых росли сахалинские дети. Упоминается, в частности, и о том, что само по себе рождение ребенка в семьях каторжных и ссыльнопоселенцев расценивалось как своеобразное наказание и пожелание смерти собственному чаду не было большой редкостью среди сахалинских «отверженных». С другой стороны, сами каторжные людьми были очень разными – среди них встречались не только уголовники, но и политические, нередко передовые по тем

⁶⁶ Список ссыльнокаторжных, ссыльнопоселенцев, крестьян из ссыльных и их семейств Александровского округа, прибывших и убоавших в течение февраля месяца 1902 г. РГИА ДВ. Ф. 1133.

⁶⁷ <http://lists.memo.ru/d7/fl28.htm>

⁶⁸ Приложение 2.

временам представители своих сословий, да и просто случайные люди, получившие столь суровое наказание за не самые значительные преступления. Русская тюрьма – корявый слепок общества во все времена, а потому социальная и интеллектуальная атмосфера Сахалина конца позапрошлого века была отнюдь не такой однообразной, как кажется с высот сегодняшних дней. В суровой, часто кошмарной жизни ковались характеры с разными полюсами. Не случайно именно там – на сахалинской каторге – выросли такие известные в будущем люди, как исследователь Антарктиды, неутомимый и непреклонный соратник Роберта Скотта Дмитрий Гирев, чьим именем назван один из пиков ледяного континента, или народоволец и исследователь айну польский интеллектуал Бронислав Пилсудский. «Каторжное воспитание» почувствовал на себе и Даниил Хармс, чей отец Иван Ювачев тоже был народовольцем, каторжанином, писателем, близко знавшим, кстати, родителей Трофима Юркевича – близкого друга Васи Ощепкова. Так что не каждому родившемуся за «краем земли» была уготована скорбная участь – Сахалин знал примеры успеха. Судя по всему, юный Василий попал именно в такое окружение.

Чехов писал о том, что мастеровые люди пользовались на острове большим уважением и были нарасхват. «Переведенный в крестьянское сословие» столяр Сергей Плисак, видимо, относился к их числу. Из документов опекуна известно, что ему принадлежали два дома в сахалинской столице – на улице Большой (ныне улица Дзержинского) под номером то ли 10, то ли 11 и на улице Кирпичной (номер неизвестен), а значит, по меркам небольшого городка, человек он был действительно известный и уважаемый. Поэтому, когда у него родился сын, несмотря на то, что формально ребенок числился незаконнорожденным из-за запрета каторжанам и каторжанкам на вступление в брак, крестными выступили значительные персоны: «Георгий Павлов Смирнов – старший писарь Управления войска острова Сахалин», фигура заметная среди унтер-офицерского корпуса», – как пишет о них М. Н. Лукашев, и «девица Пелагее Яковлева Иванова» – дочь надворного советника, что, согласно действовавшей тогда Табели о рангах, соответствовало военному чину подполковника. Крестил же ребенка 31 декабря 1892 года только что назначенный местный благочинный, то есть старший над всеми окрестными священниками, отец Александр Унинский⁶⁹, и, возможно, именно в этом кроется ответ на причастность «сильных острова сего» к судьбе маленького Васи Ощепкова. Дело в том, что доподлинно неизвестно, где происходили крестины.

Первые богослужения в Александровском посту проводились с начала 1880-х годов миссионером иеромонахом Ираклием в непригодных местах: «В хорошую погоду служил он на площади, а в дурную – в казарме или где придется, одну обедницу»⁷⁰. Затем местные жители возвели небольшой храм, сгоревший в одночасье 28 ноября 1890 года. Строительство же новой – большой – церкви Покрова Пресвятой Богородицы по проекту выпускника Санкт-Петербургской академии художеств, впоследствии известного русского архитектора И. А. Чарушина началось в 1891 году и закончилось освящением 23 июня 1893 года. Кто знает, может быть, обряд над Васей совершался под крестом еще недостроенного храма, в возведении которого принимал участие его отец-столяр, человек дефицитной на острове профессии, а потому и отношение к ребенку было особо внимательное? Неизвестно...

Так или иначе, Васю Ощепкова опекали, и, по некоторым данным (документы пока не представлены), он был устроен на учебу в единственный «вуз» «столицы русской каторги» – Александровское реальное училище. До сих пор неясно, оно ли называлось в те годы Новомихайловским, где преподавателем был В. П. Костров – опекун Васи Ощепкова. Александровский краевед Григорий Смекалов представил фото этого учебного заведения, датиро-

⁶⁹ http://pokrovkorsakov.mrezha.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=221:2010-07-05-13-04-0&catid=60:2009-12-17-10-05-49&Itemid=112

⁷⁰ Цит. по: Ростислав (Колупаев), шум. Обзор некоторых событий церковной истории на Сахалине и Курильских островах.

ванное 23 апреля 1903 года. Возможно, среди учеников на крыльце стоят и наши герои, но, к сожалению, лиц не разобрать.

Особо следует сказать о следующем. В последнее время в Интернете все чаще встречается такая «версия» развития событий: якобы по результатам Русско-японской войны в 1905 году Сахалин отошел к Японии, и все его жители, включая, конечно, Ощепкова, стали гражданами Японии. На самом же деле по условиям заключенного после войны Портсмутского мирного договора японцы получили южную часть острова – к югу от 50-й параллели. Никакого непосредственного влияния на судьбы сахалинцев, живших к северу от границы, а Александровск отстоял от нее относительно далеко, это событие не имело. Уж тем более никаких японских паспортов у местных жителей в ту пору быть не могло. Другое дело, что пароходы Доброфлота, доставлявшие на Сахалин в том числе каторжников, на обратном пути нередко заходили и во Владивосток, и в японский порт Цуруга в префектуре Фукуи, в то время служивший главными морскими воротами Японии, обращенными в сторону России. Заходили в Александровск и японские суда. Заставший в живых третью супругу Ощепкова М. Н. Лукашев пишет: «Вдова Василия Сергеевича, Анна Ивановна, вспоминала, как он с юмором рассказывал о своей первой поездке в Страну восходящего солнца. Как, совершенно не зная языка, объяснялся с матросами, пытаясь сесть на японский пароход»⁷¹. Это свидетельствует и том, что с самого начала своего карьеры Василий Ощепков не был обязан никаким генералам, петербургским «вершителям судеб», уж тем паче – государю императору (и до этого один журналист дописался!), якобы прозорливо заметившим на Сахалине молодое дарование и откомандировавшим его в Токио «учиться на шпиона». Ничего этого не было. А была забота одного или нескольких опекунов, возможно, действительно приметивших, что парень растет неплохой, несмотря на каторжанское происхождение, способный, и один из немногих шансов сделать из него человека – отправить если не на материк, то на другие острова – японские. Тем более в июле 1907 года на каникулы из Токио приехал на Сахалин Трофим Юркевич – сын бывшего учителя рыковской школы. Логично предположить, что Юркевич-старший наверняка был знаком со своим коллегой В. П. Костровым – тем самым преподавателем Новомихайловского училища, и тот, узнав от прибывшего на каникулы Трофима о том, чему и как учат в Токио, снарядил с помощью Емельяна Владыко 14-летнего мальчика в дорогу...

Под крестом «Никорай-до»

Четырнадцатилетний подросток, сумевший добраться с Северного Сахалина до далекого Токио, не зная при этом ни единого слова по-японски, произвел на архиепископа Николая должное впечатление и не был отправлен назад. До начала 1912 года Василий содержался на средства своих опекунов, то есть фактически – на свои собственные. Доходы, пусть и невеликие, поступали от сдачи внаем двух домов, доставшихся в наследство от отца. В сохранившихся документах об опекунстве сказано, что Емельян Владыко попросил снять с себя эти обязанности «в связи с убытием на материк». Что произошло с В. П. Костровым, нам неизвестно, но к тому времени в семинарии как раз образовались вакансии в группах стипендиатов, как они сами себя называли, военного ведомства, Василий был переведен на казенный кошт. Это тоже говорит о хорошем отношении к Ощепкову со стороны главы миссии. Владыка, в отличие от многих других, явно отмечал сахалинского сироту: в дневниках его имя встречается чаще других – трижды, как и имена Романовского и Легасова, и только в положительном контексте⁷². Глава миссии доверял ему проводить экскурсии по Токио с рус-

⁷¹ Указ. соч. С. 10.

⁷² Записи от 31 августа/13 сентября 1908 г., 3/16 июля и 7/20 августа 1909 г. // Дневники Святого Николая Японского,

скими туристками (Ощепкова можно считать первым точно установленным русским гидом в Токио) и весьма лестно отзывался о сахалинце в газете «Россия» архиепископ с гордостью рассказывал всей стране о впечатлениях опекуна Василия: «Г. Костров от 24 августа 1908 г. пишет мне: "Воспитанник В. Ощепков после каникул снова возвращается в вашу обитель. Год, проведенный в духовной токийской семинарии, конечно, сказался. Мальчик своим корректным поведением и умением держать себя в кругу взрослых произвел очень хорошее впечатление на всех знакомых"». Нет упоминаний о успехах Василия в учебе, но полученное в 1913 году свидетельство со сплошь хорошими и отличными оценками говорит само за себя. И всё же в историю Василию Ощепкову суждено было войти, а затем и «втащить» в нее своих однокашников совсем в ином качестве.

По сведениям, полученным автором из Кодокана, преподавание дзюдо началось в семинарии с 1908 года. В субботу 11 апреля 1909 года архиепископ Николай записал в дневнике: «В 1 час пополудни семинаристы пригласили посмотреть их успехи в "дзюудоо" (или дзюудзюцу) – борьбе, которая преподается им приглашенным для того учителем, в гигиенических видах, как и гимнастика. Боролись сначала русские ученики, потом японские. Для зрителей мало занимательного, но для них очень полезно; действительно, такое упражнение для всех членов тела, что лучше быть не может. И есть приемы замечательные; например, один был задушен на несколько минут противником через стискивание живота ногами, точно клещами; но это не опасно; задушенного слегка поколотят по спине, и он оправляется»⁷³. Именно эти занятия приезжали посмотреть генералы из русской разведки – Самойлов и Данилов Черный.

С самого начала и на протяжении нескольких лет преподавал в семинарии Окамото Ёсиро – один из инструкторов Кодокан, обладатель 2-го дана⁷⁴, полицейский участка Канда, к которому относилась территориально миссия на суругадайском холме. Кодокан, основанный в 1882 году «гением дзюдо» и будущим пэром Японской империи Кано Дзигоро, к 1908 году уже был главной организацией в мире дзюдо и находился километрах в пяти от Суру гадай. Вероятно, Василий Ощепков показал определенную склонность к борьбе, чем-то понравился сэнсэю Окамото, раз 29 октября 1911 года он вместе со своим товарищем – потомком терских казаков Трофимом Попилевым (или Попелевым – есть и такая версия записи его фамилии) был приглашен для обучения непосредственно в Кодокан. Существует популярная легенда о том, как Ощепков сдавал своеобразный экзамен доктору Кано. Вот как рассказывает эту историю М. Н. Лукашев (остальные авторы, включая японцев, лишь вторят ему): «Наступил торжественный день. В зале множество молодых претендентов чинно расселись на соломенных матах татами, и сам основатель дзюдо Кано Дзигоро обратился к ним с речью. Нравоучительная речь была длиннейшей и, откровенно говоря, довольно скучной. Молодым людям, при всем уважении к оратору, трудно было удержаться от того, чтобы не оглянуться по сторонам, не взглянуть на своих соседей.

Но Ощепков уже знал, что сзади за ними пристально следят преподаватели Кодокана.

И каждое движение абитуриентов расценивается ими как невнимание и даже недостаточное уважение к великому гроссмейстеру дзюдо. Василий все еще как следует не привык сидеть по-японски: без стула, на собственных пятках. Затекие ноги невыносимо ныли, мучительно хотелось вытащить их из-под себя и выпрямить, ну, хотя бы, просто чуть пошевелить ногами, но он по-прежнему сидел совсем неподвижно. А когда к нему подошли и

СПб., 2004. С. 434, 544, 560.

⁷³ Указ. соч. С. 517.

⁷⁴ Даны – мастерские степени; в то время насчитывали в дзюдо пять степеней по возрастанию от первого дана к пятому.

сказали, что он принят в Кодокан, Ощепков попытался встать на совершенно онемевшие ноги, но так и не смог этого сделать, а только повалился на бок»⁷⁵.

Скорее всего, эту историю Василий Сергеевич рассказал спустя много лет своей жене Анне Ивановне, а она несколько десятилетий спустя поведала ее спортивному журналисту Михаилу Лукашеву. И только в этой версии она похожа на правду. Несмотря на то что семинаристы к тому времени уже четыре года каждый день сидели, как это принято в Японии, на коленях или скрестив ноги, далеко не все русские, в силу отличия сложения европейцев от японцев, смогли к этому привыкнуть и адаптироваться настолько, чтобы считать такое положение комфортным. Довольно крупный и тяжелый Василий вряд ли испытывал удовольствие от сидения в позе сэйдза. Но, в отличие от других авторов, позже тиражировавших и раскрашивавших эту историю, Лукашев ничего не говорит об Ощепкове как о маленьком мальчишке, предупрежденном о «коварстве» оратора Кано своим тренером по дзюдо. Василию на момент сдачи экзамена было почти 17 лет, и он уже прекрасно понимал, где находится и что ждет его впереди. Ничего не говорится в этой истории о Трофиме Попилеве (хотя «новобранцы» везде упоминаются во множественном числе), но на то могли быть самые разные причины – от советского умения не вспоминать о друзьях за границей «на всякий случай», до – кто знает? – возможно, неприязненных отношений, которые могли сложиться между Василием и Трофимом позднее. Какая версия верна? Не знаю, и гадать тут бессмысленно.

Учеба и жизнь в Токийской православной духовной семинарии были строго регламентированы. Ректор И. Сэнума и глава миссии владыка Николай старались поддерживать среди учеников строгую дисциплину, и им это в основном удавалось. Не менее серьезно относились к порядку и в Кодокане, но сами по себе тренировки шли в нем практически целый день без какого-либо строго расписания. Это значит, что Ощепков и Попилев могли посещать занятия в главной школе дзюдо, если на то было соответствующее разрешение ректора семинарии и благословение архиепископа. Например, они могли использовать для этого часы, отведенные для занятий по дзюдо в самой семинарии и уходить в город как «совершенствующие». Так или иначе, но можно говорить о том, что на занятия дзюдо (уж, конечно, не о самбо идет речь, как пишут некоторые авторы!) первых русских семинаристов благословил Николай Японский. Учитывая уровень авторитаризма в руководстве семинарии, ему, вероятно, было доложено о том, что Василий и Трофим показали себя перспективными борцами, и владыка не стал чинить им препятствий, отчасти определив таким образом дальнейшую судьбу Ощепкова и всей мировой борьбы в целом.

Что ждало Василия в Кодокане? Вопрос сложный и по причинам политкорректности редко задаваемый. Вот что писал об этом М. Н. Лукашев: «Василий в полном объеме познал всю суровую школу дзюдо тех лет. Даже в наши дни японские специалисты считают, что практикуемая в Японии тренировка дзюдоистов непосильна для европейцев. Тогда же система обучения была особенно жесткой и совершенно безжалостной. К тому же это было время, когда еще чувствовались отзвуки недавней Русско-японской войны, и русского парня особенно охотно выбирали в качестве партнера. В нем видели не условно-спортивного, а реального противника. Еще недостаточно умелого Ощепкова более опытные борцы беспощадно швыряли на жесткий татами, душили и выламывали руки, а он, по дзюдоистскому обычаю, благодарил их за науку смиренным поклоном даже тогда, когда у него оказалось сломанным ребро. Вскоре, однако, с ним уже стало не так-то просто бороться даже искушенным дзюдоистам. Никто из поступавших вместе с Василием товарищей не выдержал суровых дзюдоистских испытаний: все оставили Кодокан. А он не только успешно овладевал борцовской наукой, но и стал претендовать на получение мастерского звания»⁷⁶. Написано

⁷⁵ Указ. соч. С. 11.

⁷⁶ Указ. соч. С. 11–12.

как будто со слов Василия Сергеевича – возможно, и об этом успела рассказать его вдова Анна Ивановна Казем-Бек. А вот что рассказывают о японском дзюдо сегодня.

В начале 2013 года глава Всеяпонской федерации дзюдо Уэмура Харуки покинул свой пост после череды скандальных разоблачений, которыми поделились с журналистами маститые спортсмены – уникальный для японцев поступок. Стало известно, что в наши дни в элитных клубах японского дзюдо применялись методы тренировки, достойные самурайского средневековья. Учеников били, над ними всячески издевались и даже кандидаты на получение 1-го дана и, соответственно, черного пояса – символа мастерской степени в восточных единоборствах, – сначала должны были пройти через испытание удушением. Претендентов самым натуральным образом душили до потери сознания тем самым черным поясом, а потом с помощью традиционных методов реанимации возвращали к жизни. Как выглядели тренировки в дзюдо сто лет назад, да еще когда один из партнеров являлся представителем страны вероятного противника, сложно себе представить. Нельзя забывать и о том, что в Кодокане учились многие японские военные, разведчики, диверсанты, сражавшиеся против нас в Русско-японскую войну, братья и сыновья погибших на русском фронте японских солдат и офицеров. И тут – русский на татами. Подарок судьбы, предназначенный для мести. Помните слова Д. М. Позднеева о подозрениях японцев в шпионаже архиепископа Николая? Это были не пустые слова: приехавшего вскоре после войны на родину преподавателя японского языка в Восточном институте Владивостока Маэда Сэйдзи посреди Токио зарезал ультраправый фанатик, а корреспондент крупнейшей газеты фиксировал происхождение для прессы. В православной миссии об этом знали, да японцы и не давали забыть. В десяти минутах ходьбы от семинарии, перед станцией Мансэйбаси, после войны был открыт грандиозный памятник обожествленному разведчику и выпускнику Кодокана, обладателю 4-го дана капитану Хиросэ Такэо, которому оторвало голову русским снарядом во время попытки совершения диверсии под Порт-Артуром. Василий должен был не раз проходить мимо этого памятника и наверняка задумывался о том, где он – русский парень с Сахалина – находится, зачем и какова будет его дальнейшая судьба, кто друзья, а кто – враги... Но с фантастическим упорством снова и снова шел в Кодокан, чтобы бороться и побеждать.

15 июня 1913 года, за неделю до выпуска из семинарии, Василий Сергеевич Ощепков стал первым известным нам русским и четвертым европейцем в истории, получившим начальную мастерскую степень – 1-й дан (седан) по системе Кодокан-дзюдо. М. Н. Лукашев рассказывает, что Ощепков долгие годы хранил вырезку из японского журнала со статьей, где было сказано: «Русский медведь добился своей цели». И даже на родине героя одна приморская газета посвятила этому подвигу несколько строк: «...Благодаря своим выдающимся способностям, отмеченным самим основателем школы Кано Дзигоро, чрезвычайно быстро, в шесть месяцев, достиг звания "седана", то есть учителя первой степени, и получил отличительный знак "черный пояс"»⁷⁷.

Василий Великолепный

Позже, 4 октября 1917 года, будучи в командировке в Японии, Ощепков сдал экзамен и на более высокий – 2-й дан. Цели и задачи той командировки нам неизвестны – после окончания семинарии и до Октябрьского переворота в России Василий Ощепков служил в разведке и контрразведке в Хабаровске, Харбине и Владивостоке. В архивах штабов Приамурского и Заамурского округов, Владивостокской крепости должно храниться ещё немало документов, способных пролить свет на его деятельность как «унтер-офицера контрразведочного отделения». Известно, что всё это время он продолжал заниматься дзюдо – и как борец, и как

⁷⁷ Указ. соч. С. 12.

тренер, и как пропагандист. В 1915 году спортивный журнал «Геркулес», выходивший в Петрограде, писал о новостях из Владивостока: «Правление [местного спортивного] Общества, воспользовавшись пребыванием в городе специалиста японской борьбы "джиу-джитсу" г. Ощепкова, пригласило его в качестве преподавателя. Интерес к этой борьбе возрастает среди спортсменов, и они с увлечением принимаются за изучение одного из самых распространенных видов спорта в Японии»⁷⁸. Ощепков просьбу спортивного общества удовлетворил и до 1920 года руководил действовавшим во Владивостоке кружком дзюдо в известном здании на Корабельной набережной, 21, где сейчас размещается спортклуб Тихоокеанского флота и которое почти скрылось под опорами одного из знаменитых владивостокских мостов над проливами. Тогда же, 4 июля 1917 года, он провёл в этом городе первые в мировой истории международные командные соревнования по дзюдо, пригласив для этого в Россию дзюдоистов из Коммерческого училища города Отару с самого северного японского острова Хоккайдо.

После революции Ощепков оказывался на службе у адмирала Колчака – скорее всего, был мобилизован как переводчик с востребованного тогда японского языка. Сохранился документ, подтверждающий его службу в таком же качестве и в Управлении военно-полевых сообщений японского экспедиционного корпуса, расквартированного во Владивостоке. Не похоже, чтобы служба ему нравилась: сахалинский характер не давал покоя. Параллельно Василий приватным образом пытался преподавать японский язык и зарабатывать деньги в качестве коммерсанта. В его следственном деле сохранилась справка о ввозе на его имя во Владивосток нескольких пудов обуви из Японии. Но свернуть с однажды выбранного не им пути Ощепкову уже не удалось. Должность, образование и активность молодого сахалинца привлекали внимание красного подполья – политическая и военная спецслужбы были тогда объединены в так называемую «большевистскую разведку» с общим бюджетом и штатами. Семинарский друг и будущий доцент Института востоковедения Трофим Юркевич, действовавший во Владивостоке как агент красных и служивший вместе с Ощепковым у японцев, рекомендовал Василия для работы в военной разведке красных, и разведотдел 5-й армии большевиков с 1920 года наладил сотрудничество с русским дзюдоистом. Так Василий вернулся к своей работе против японцев, и делал это с некоторой лихостью, используя в своей работе в том числе и борцовские навыки. Нет, он не душил японских секретноносителей, принуждая их поделиться тайнами с большевистским подпольем. Он использовал более мягкие приемы, чтобы завоевать уважение и дружбу – японцы всегда особенно ценили силу. Историк борьбы А. М. Горбылев нашел уникальные документы, свидетельствующие о том, какого уровня контакты мог организовывать Ощепков как разведчик: 23 февраля 1918 года выходившая во Владивостоке газета «Урадзю ниппо» («Ежедневная владивостокская газета») напыщенным слогом сообщила: «Под эгидой владивостокского общества спорта пройдут соревнования по дзюдо и боксу. Соревнования начнутся сегодня в 3 часа пополудни. Спортсмены – храбрецы с японских и английских военных кораблей»⁷⁹. И в этот же день командир 5-й японской бригады кораблей, занявшей бухту Золотой Рог, контр-адмирал Като Хирохару, сам в прошлом дзюдоист, записал в своем дневнике: «Смотрел дзюдо в [обществе] "Спорт". Василий великолепен! Заставил меня продемонстрировать вместе с ним парное ката (то есть канонические упражнения дзюдо. – А. К.)»⁸⁰. О каком «великолепном Василии» из общества «Спорт» идет речь, понятно. А на следующий день адмирал продолжил: «Приходил Васи-

⁷⁸ Японское будо в российской прессе начала XX века // Додзё № 5. М., 2005. С. 13.

⁷⁹ Урадзю тайикукай сюсай-но мото-ни дзю кэнто кёгикай кайсай («Пройдет соревнование по дзюдо и боксу, организованное Владивостокским обществом спорта») // «Урадзю ниппо» («Ежедневная владивостокская газета»), 23 февраля 1918 г. С. 3.

⁸⁰ Дзюку. Гэндай си сирё («Источники по новейшей истории. Продолжение»). Т. 5. «Кайгун. Като Хирохару никки» («Военно-морской флот. Дневники Като Хирохару»). Токио: Мисудзу сёбо, 1994. С. 5.

лий, 2-й дан». А. М. Горбылев справедливо замечает, что приходил Ощепков к японскому флотоводцу не куда-нибудь, а на флагман 5-й бригады, и контр-адмирал Като лично показывал русскому разведчику гордость своей эскадры. Что ж, у большевиков были причины для вербовки Василия Великолепного, и она состоялась. Первым оперативным псевдонимом Ощепкова стал Японец – фантазии у почти неграмотных энтузиастов большевистской разведки не хватало даже на то, чтобы понять, что по таким кличкам враг может легко вычислить самого агента, и такое действительно нередко происходило.

Необходимость в усилении большевистской разведки встала особенно остро в октябре 1921 года, когда меркуловская контрразведка раскрыла подпольную организацию и целая группа секретных сотрудников была арестована. Взяли меркуловцы и Трофима Юркевича. Он легко отделался – был всего лишь выслан за пределы Дальневосточного края, но ручеек информации из японского штаба ослаб. Но и Ощепков уже не мог его подпитать. Мы не знаем, было это сделано по его инициативе или его попросили «товарищи из Центра», но в том же 1921 году Василий покинул Владивосток. Купив кинопроектор «Пауэрс», аккумуляторные батареи и несколько коробок с фильмами, он уехал на родной остров, чтобы показывать там кино местным жителям и японским солдатам, занявшим год назад весь Сахалин. По некоторым данным, в декабре 1921 года псевдоним Японец был заменен на другой – Д.Д., то есть «дзюу-до», как писали в то время это слово в России... Уже после прекращения существования Дальневосточной республики и присоединения Приморья к Советской России, 1 октября 1923 года, дело на секретного сотрудника Д. Д. было официально оформлено в Отделе агентурной разведки 5-й армии, на который было возложено наблюдение за Японией. В дело была подшита и «Подписка на агента»:

«Я, нижеподписавшийся, Василий Сергеевич Ощепков, поступивший в Отдел Агентурной разведки 5-й Армии, даю постоянную подписку в том, что:

1. Все возложенные ею на меня обязанности я обязуюсь точно и скоро выполнять.
2. Не разглашать никаких полученных сведений.
3. Все сведения после тщательной проверки обязуюсь передавать моему начальнику или лицу, указанному им.
4. Не выдавать товарищей – сотрудников и служащих Отдела Агентурной разведки хотя бы под угрозой смерти.
5. Не разглашать о деятельности Отдела, а также о штате служащих вообще и не произносить слов "Агентурная разведка".
6. Признаю только советскую власть и буду работать только на укрепление добытой кровью трудового народа Революции.
7. Мне объявлено, что в случае неисполнения указанного в подписке моя семья будет преследоваться наравне с семьями белогвардейцев и контрреволюционеров.
8. Требую смертного приговора для себя, если разглашу какие-либо сведения и буду действовать во вред советской власти, о чем и подписываюсь...

Подпись: *Ощепков*»⁸¹.

Текст удивителен по ощущению времени, которое он передает, по жесткости и бескомпромиссности позиции. С высот сегодняшнего дня может возникнуть вопрос: зачем все это было надо Василию Великолепному, который со своим знанием японского языка, дзюдо и связями среди японских военных уж как-нибудь да мог бы устроиться в стороне от войны – хоть в Токио, хоть где-нибудь в японской глубинке? Может быть, мастером вербовки был «товарищ Аркадий» – завагентурой разведки 5-й армии, а в прошлом шеф Василия по большевистской разведке Леонид Аркадьевич Бурлаков? Об этом человеке уже пишут книги историки спецслужб, но я скажу лишь, что вербовщик был на восемь лет моложе Василия,

⁸¹ Лукашев М. Н. Указ. соч. С. 18.

имел два класса образования, а трудовая биография его ограничивалась должностью младшего мастерового. Денег в красной разведке тогда агентам почти не платили. Компрометирующих материалов на Василия Ощепкова не обнаружено. Значит, завербован он был на идеологической основе. Но тут младший мастеровой, каким бы страстным пропагандистом он ни был, ничего не смог бы сделать с Ощепковым, который вырос на каторге, прошел суровую школу в Японии, а до вербовки несколько лет успел прослужить в царской разведке. Нет, не «товарищ Аркадий» завербовал Василия Ощепкова. Работать против японцев его заставили воспоминания о семинарии, которую он во всех документах потом будет именовать «японской школой», воспоминания о триумфе Японии после войны с Россией, о Кодокане и четкое осознание того, как будет строить свои отношения Япония с его родиной в ближайшие годы. Ощепков, проведя полжизни в Японии, понимал, что война будет – не может не быть. И в подготовке к этой войне он сразу выбрал свою сторону баррикад, как и большинство его товарищей. Этот выбор и привел его на родной Северный Сахалин, уже занятый к тому времени японскими – вражескими – войсками.

В центре внимания Ощепкова оказались японские гарнизоны в северной части Сахалина, которые он посещать как кинопрокатчик. По японским законам того времени он обязан был давать в воинских частях бесплатные сеансы и, как разведчик, очень дорожил этой обязанностью. Свободно владеющий японским языком, имеющий опыт жизни в Токио, Василий Сергеевич легко сходиллся с японскими офицерами, а для солдат выполнял во время киносеансов функции переводчика, растолковывая им содержание кинокартин – по большей части европейских и американских. Почему именно он?

Бэнси из Владивостока

Строго говоря, японский Великий немой никогда немой не был. К 1896 году, когда в эту страну попала первая кинолента, история островного театра уже насчитывала столетия, а его устои были неколебимы. Особенности же подачи материала в жанрах японского театра Кабуки и Бунраку предполагали наличие особой профессии: гидаю или бэнси. Вот, например, как об этом рассказывал современник Ощепкова (может быть, они даже были знакомы) – поэт и переводчик с японского языка, потомственный востоковед Венедикт Март, вспоминая свои путешествия по Стране восходящего солнца в 1918 году: «...Специфически японское кино далеко не "великий немой". Достаточно сказать, что свежий европеец после просмотра чисто японской картины выходит из кино буквально оглушенным от чрезмерной "нагрузки" барабанной перепонки... При самом входе в японское кино европеец попадает в совершенно отличную от нашей атмосферу. Прежде всего, купленный билетик – дощечка, оказывается, имеет отношение к... обуви посетителя. У входа в зрительный зал вместе с билетами предъявляются и ботинки. В зрительный зал пускают лишь в носках или чулках. В кино, как и в театрах, японцы обычно располагаются целыми семьями, курят, едят, пьют... Японская публика в кинематографе чувствует себя как дома и иногда располагается в ложах чуть ли не на сутки. При оглушительных ударах гонга перед полотном появляется совершенно неизвестный нашему зрителю неизменный персонаж японского кино. Это кинорассказчик, живое либретто кинокартины. Тушится свет, и откуда-то из тьмы неугомонно несется патетическая речь артиста-рассказчика. Параллельно с ходом кинодействия он образно рассказывает его содержание. Японцы, которые с такой жадностью вбирают в себя все иностранное, в то же время на редкость бережно относятся ко всему национальному, к своей старине... Обычные японские картины по характеру и содержанию – героические... Европейские и американские трюки в этих картинах заменяются эпизодами битв, искусных воинственных схваток самураев и пр., причем киноартист для национальных фильмов дол-

жен быть обязательно искуснейшим акробатом и исчерпывающе знать древние приемы фехтования, а иногда и весь полный ритуал самурайского харакири...»⁸²

Если убрать японскую экзотику, то покажется, что бэнси – это герой Данелия из фильма «Мимино», синхронно переводящий на понятный зрителям язык содержание картины. Но фокус в том, что японскую экзотику из мастерства бэнси убрать как раз и нельзя – не случайно ведь ни в какой другой стране эта профессия не прижилась. В Японии же, наоборот, бэнси были столь же известны и любимы, как и сами актеры. Фильмы, дублированные лучшими бэнси, можно найти в Интернете и сегодня – поверьте, эти немые картины стоит не только посмотреть, но и послушать! Причем при демонстрации особо сложных и популярных лент могли быть задействованы сразу несколько бэнси – вплоть до моделирования своеобразного дубляжа героев фильма вживую. При слабой еще в раннем японском кино роли режиссера именно от бэнси зависел успех проката каждой конкретной картины. Настолько, что на самых лучших бэнси ходили в кинематограф, как на концерт сегодняшних поп-звезд или писателей-сатириков, – послушать их комментарии. А в случае с сахалинскими гарнизонами, где других бэнси попросту не было, Василий Ощепков силою обстоятельств вынужден был стать местной звездой, знаменитостью кино клубов «каторжной столицы». Кстати, а что он показывал и что смотрели японские военные?

Смотрели, прежде всего, детективы, затем – проверенную временем классику. В 1914 году, например, было экранизировано «Воскресение» Льва Толстого, вышедшее в японский прокат под названием «Катюша». Ко времени, когда Ощепков прибыл на Сахалин, хитами стали фильмы Чарли Чаплина. Военным по долгу службы и в связи с особым восприятием мира требовались фильмы патриотические, духоподъемные. Все еще пользовались популярностью после 1905 года хроники прошедшей Русско-японской войны. Озвучивать и эти фильмы приходилось бэнси – представьте себе чувства Василия Сергеевича во время кинопоказов в японских гарнизонах. Причем работать ему приходилось с оглядкой на цензуру в области охраны верноподданнических чувств. Чуть позже, в 1926 году, было даже принято специальное постановление Министерства внутренних дел о сохранении достоинства правящей императорской фамилии, авторитета военных и недопущении эротики и «левизны». Приказ распространялся и на иностранные картины, так что тут бэнси приходилось применять чудеса изворотливости, чтобы донести до зрителей идею какого-нибудь искромсанный цензурой европейского фильма. Именно на иностранные ленты делал упор Ощепков как бэнси-иностранец. Сохранился один из его запросов в разведотдел 5-й армии, в котором он перечисляет фильмы, пользующиеся наибольшим успехом у японских военных: «Подбор сюжетов должен быть следующий:

⁸² Март В. В японском кино // Новый зритель. 1927. № 2. С. 16.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.